

ГРИГОРИЙ КРОНИХ

МЕДАЛЬ ДЛЯ МАРОДЕРА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Григорий Андреевич Кроних

Медаль для мародера

Серия «Сибирский приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48671204

Медаль для мародера: роман / Григорий Кроних: Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-8049-2

Аннотация

В крупных городах-миллионниках периодически происходят резонансные, как принято ныне говорить, преступления, в которых замешаны самые разные люди. Вот и все герои романа «Медаль для мародера» оказываются причастны к налету на институтскую кассу, каждый имеет в этом деле свой интерес: деньги, любовь, карьеру...

Произведение написано на основе реальных событий, произошедших в Новосибирске, но сюжет и герои, от имени которых ведется рассказ, выдуманы.

Содержание

Медаль для мародера	4
Глава первая	4
Глава вторая	24
Глава третья	50
Глава четвертая	65
Глава пятая	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Григорий Кроних

Медаль для мародера

Медаль для мародера

*Повесть основана на реальных событиях,
все герои и их биографии выдуманы автором.*

Глава первая

Родион

1

Они, охранники, как обычно, остались ждать кассиршу в операционном зале банка. Покрытый мрамором, с резными полуколоннами и картинами на стенах, он напоминал музей, только без казенных тапочек и табличек «Руками не трогать!». Только самые интересные экспонаты прятались, ясный перец, в запасниках-сейфах.

Константиновна постояла в очереди у окошка, потом, переговорив с оператором, зашла к ней за перегородку. Так

всегда бывало, когда кассирша получала денег больше, чем обычно. И охранникам в таком случае ждать приходилось дольше. Они знали – почему, а Родион даже успел поделиться кое с кем своими наблюдениями. Верный знак и сигналом может послужить...

Тут, в банке, охранникам можно расслабиться – все двери, сделанные, кстати, из стали, перегораживают менты с автоматами, а через узкие пропускники, играющие роль вторых дверей, никто не удерет. Так что охранник на полставки Леня Клоков (погоняло – Клочок) обычно читает заботливо припасенную «Комсомолку» или «Комсомольца», а сам Родион – второй полставочник – глазееет по сторонам, высматривая пикантных дамочек в скучной очереди вкладчиков. Но сегодня Родик часто смотрел на часы, мысленно представляя, сколько бабок успела упаковать Константиновна. Ясный перец – много, на любую мечту хватит: хоть на джип, хоть на мерс.

Когда у Клочка кончилась газета, появилась Константиновна аж с двумя мешками. Леня и Родион подхватили тяжелые мешки из рук кассирши и поволоклись к выходу. Константиновна инстинктивно держалась поближе к мешкам, хотя какой с нее толк, если что случится?

Через пропускники и двери охранники выбрались на крыльцо, Константиновна – следом, а на улице даже выдвинулась в авангард. Она первая подошла к автобусу и постучала кулачком в закрытую дверь.

– Володя! Открывай!

Водитель, как всегда, когда его оставляли даже на несколько минут, дрых, откинувшись на сиденье. Он и кресло себе специальное сварганил, чтобы откидываться, как в самолете. Володя протер буркалы, повозился, и створки двери с шипением разъехались. Константиновна скорей полезла на подножку, словно боится, что места не хватит. Ясно – советская закалка! Тут как ни молодись, а манеры за себя скажут – не в наше время воспитывалась Константиновна и на проректорской «Волге» не всю жизнь каталась. Только она на подножку взгромоздилась, задом своим двери запечатала, как Родик боковым зрением засек резкое движение. Он шухернулся, прямо напрягся весь, а Ключок даже не шелохнулся. В том смысле, что как шагал, так и кочумает к закурпленным дверям. Родион косяка задавил – зря стреманулся, это какой-то фраер к остановке за троллейбусом рвет. Ну и клиенты у банка – шушера какая-то троллейбусная. Константиновна наконец пролезла внутрь, Леня прямым ходом за ней задвинул, а уж Родион, оглянувшись по сторонам, вошел последним.

Зря стреманулся. Дураков на свете много, куда без дураков, но не таких же, чтоб прямо у дверей банка, где менты с автоматами, на гоп-стоп кассу брать. Тут такая стрельба начаться может!.. Хотя если кто знакомый к водиле или касирше подвалит... Родику самому приходила такая мысль, оттого и настороже был, оттого и шухернулся. Место неудоб-

ное, зато если внезапно... Но тогда придется всех знакомых на месте кончать – мокруха получается. За большой куш, ясный перец, можно и шмальнуть, но так, чтобы наверняка... Гарантии-то тут нет!

А у Ленки рожа – как у Будды, божка такого, – круглая и без эмоций. Кажется, если бы у него газета не кончилась, то так бы и читал, даже когда мешок с бабками нес. А ведь не придурок вроде и деньгу любит. Может, стоило с ним о деле поговорить?.. Нет, трусоват, кажется, Ленька, и соображает медленно. Ему лишние полставки лапу греют – он и доволен, барсук, так всю жизнь в рядовых и проходит. Нет, от такого подельника не то что помощь, а один вред будет...

Служебный автобус откатил с банковской автостоянки и похилил к родному вузу. Через центр, по Красному проспекту, самой загруженной улице. Летнее солнце раскалило пазик до градуса Сахары. Дерматиновая спинка обжигает кожу сквозь рубашку, солнечный луч мимо ситцевой выцветшей шторки бьет прямо в глаз. Родион сощурился и стал глядеть ниже, на дорогу.

Тут на каждом шагу то светофор, то пробка образуется, серый асфальт почти не виден за мозаикой автокрыш. Отечественные самоходные тележки на колесах, выдавшие виды, но сохраняющие достоинство японки, аристократичные «мерседесы» и крутые джипы – все ехало, ползло, елозило по раскаленной дневной улице, бибикало и окатывало матерком, предназначенным для суетливого соседа по полосе.

Родик прикрыл глаза, настраиваясь на долгое путешествие по короткой дистанции до института. Вот инкассаторские броневики, ясный перец, – без остановки шуруют, а они через пень-колоду тащатся, хотя еще неизвестно у кого сегодня денег больше...

Вдруг Родик увидел это через окно, какой-то ненормальный «жигуль», малиновый, как модный пиджак, подрезал Вовчика. Пазик вильнул к обочине, но малиновый козел еще и притормозил. Володя вдавил педаль тормоза в пол, но инерция была слишком большой, и автобус смял, ясный перец, жидкий вазовский задок. Пазик от удара тряхнуло, у Константиновны, расположившейся к водиле спиной, от резкого толчка чуть не оторвалась голова, а Клочок удержался на сиденье лишь потому, что вцепился в тяжелый банковский мешок. «Вот это вес! – заметил Родик, вовремя ухватившийся за поручень. – Сегодня точно – бабок не перечесть, да еще главбухша про медали какие-то говорила».

– Ах ты, боже мой! – по-бабьи воскликнул Вовчик, встав, глянул вниз на разбитую легковушку. Но в следующую секунду в его руке оказалась монтировка, а лексикон стал более профессиональным. – Что ты, козел, сделал?! Тебя в каком Интернате учить водили, олигофрен ты безрукий?!

Родик увидел, как с водительского бока к автобусу подходит шофер «жигуля», действительно – придурак доходящего типа, чмо на двух палочках вместо ног. Худой, лохматый –

чисто рокер с наркоманским стажем, такого соплей перешибить можно, отличный партнер для базара с монтировкой. Володя тоже, видать, его разглядел, смело распахнул дверь и полез наружу разбираться. Коллеги по баранке чуток повозились, что там происходило, видно не было, но Володя почему-то уже не орал, а скорее мямлил. В салоне никто еще ничего не понял, а Родион ясно себе представил, как доходяга ткнул в жирное брюхо Вовчика ствол. Вот загремела железка – правильно, это на асфальт упала монтировка, а Володя с перекошенной мордой вполз обратно в кабину. Родион поглядел на Леню с Константиновной – забеспокоились. Леня привстал, стараясь разглядеть, что там случилось с «жигулями».

– Эх, не повезло, а у меня ведь тоже «шестерка»!

Кассирша заерзала.

– Володя, Володя! Может, мы поедем?

Родион напружинился, ясно представляя, что произойдет дальше. Вовчик нажал на тумблер, передние двери с шипением раскрылись, в их проеме сразу возник мужик в черной маске – в «жигулях», ясный перец, был еще и пассажир.

– Всем сидеть, это ограбление! – заорал мужик.

Леня, как всегда, не догнал и встал ему навстречу. Налетчик выставил пистолет, но с близкого расстояния было заметно, что это китайская подделка, а не оружие. Ключок хоть и тормоз, но здоровый, в узком пространстве салона возня с тупым охранником могла затянуться. Родион вскочил, чтобы

помочь. Со стороны кабины послышался мат и сухой щелчок выстрела. Он прозвучал в тот момент, когда Родик с размаху опустил свой мешок на затылок Лени. Ключок тяжело осел вниз и умудрился (и это в тесном автобусе!) упасть мимо кресла. Константиновна переводила круглые от страха глаза с Родиона на Леню и обратно как заведенная. Дура – ясный перец!

– Глист! Сюда! – крикнул Родион, на всякий случай зажимая кассирше рот. Заорать она не догадалась, но вот за руку его тяпнула. Ну и рефлексy у счетовода – чистый крокодил!

Доходяга обежал кабину и возник в дверях.

– Чего ты орешь?! Уговора не было.

– Дай пушку! – приказал Родион.

– Зачем? Пушка у меня должна быть. Как договорились.

– Дай, сказал!

Глист, поколебавшись, протянул ствол, Родик встал во весь рост, вытянул руку с «макаровым» и пальнул Константиновне прямо в лоб. Там появился третий круглый глаз, красный, самый выразительный из всех. Как же ему надоела эта вечно прихорашивающаяся корова!..

2

– Надо же! Дураки! Чуть в нас не врезались! – воскликнула Константиновна, тыча пальцем в пыльное стекло, за которым уже пропали опасно маневрирующие малиновые «жи-

гули». – Вот бы влипли!

– Кто – мы или они? – лениво спросил Родион, с трудом разлепляя глаза. Ответа он не ждал, кассирша последнее время взяла моду говорить с ним только по необходимости. И фиг с ней, вот только своей болтовней она такую мечту испортила!

– Это опасно, – заметил Ключок, которого Родик, к сожалению, пристрелить не успел. – Посреди дороги нам лучше не останавливаться.

– Не дай бог, – пролепетала Константиновна.

– Не бойсь! – гаркнул Володя и показал монтировку. – Она у меня завсегда под рукой, пусть только кто сунется!

– Мне с вами совсем не страшно, – заявила Константиновна, но ее реплика в первую очередь относилась к Лене и водиле. Ну и ладно, Родик и не претендует. Он вообще на всех них клал с прибором. Эх, ему бы команду хорошую!

– А почему нам оружие не выдают, хотя бы газовое или там дубинки? – спросил Леня.

– Приказ давно где-то в ректорате валяется, – со знанием дела заявила Константиновна. – Говорят, что нет такой статьи расходов, по которой эти средства можно провести.

Ясный перец – или главбухша трепалась, или мужек-проректор болтал: сама-то кассирша слишком мелкая сошка, чтобы знать про приказы на столе ректора.

– Предлагаю использовать представительские деньги, – заявил Ключок. – Грабители же встречают по экипировке, а

провожают – по мозгам!

Константиновна весело залилась. Не понимает, дура, как все это для нее реально. Глядя на их веселящуюся компашку, Метла руку готов дать на отсечение, шаловливые мысли приходят не только в его голову. Пазик с бабками и без вооруженной охраны мозолит глаза стольким людям, что рано или поздно кто-нибудь на него позарится. И вот тут, ясный перец, будет уже не до смеха. Родион понимал, что при любом раскладе опасность слишком велика: или налетчики от психа стрельбу затеют, или Леня встрянет, или идиот с монтировкой, или Константиновна завопит, как сирена, в общем, обязательно что-то случится от чего можно не только здоровья, но и жизни лишиться. За такой риск только придурок вроде Ключка может радоваться награде в полставки. У Константиновны мозги тоже куриные, как, впрочем, и у водилы. Сам Родик завтра бы уволился, если бы был уверен, что всегда сможет узнать, когда в институт повезут деньги. Останавливала его мечта, заключенная в двух здоровых банковских мешках.

Сценарий, разыгравшийся в полудреме, представлялся Родиону уже не раз. События в нем развивались по-разному, но, чтобы все сложилось гладко – не получалось. Потому что Родик не давал воли фантазии, а старался отталкиваться от фактов. Выдумывать какую-нибудь сказку смысла нет, надо по правде так все сообразить, чтобы дело, настоящее дело, выгорело.

Глист – это парень реальный, такого придурка не выдумаешь, такого придурка никто не придумает, даже Голливуд, где всяких придурков пруд пруди. Он такой и есть: доходяга дохлый, паразит убогий. Роль водителя «жигулей» как раз для него, на здорового мужика Володя не полезет, а такому уроду, как Глист, так и хочется сопли об асфальт подтереть. Вот только Глист через это контуженный на всю голову, потому что слишком часто его затылком об асфальт прикладывали. Стал он полным психом и только увидит рядом амбала (даже без монтiroвки) воспринимает его присутствие как личную обиду. Сразу, ясный перец, за нож хватается или кирпич ищет. Несколько бывших спортсменов в их районе уже пострадало, по крайней мере, такие слухи о Глисте ходят. Если ему пушку дать, то он будет палить направо и налево. Внешность у придурка подходящая, а мозги – нет, психованный не в меру. С таким на дело идти – самому надо идиотом быть. Вот и таскает Родион эти проклятые мешки с чужими деньгами, с Константиновной вежливо разговаривает вместо того, чтобы...

Пазик застрял на светофорной пробке у летнего кафе. Там две загорелые до цвета молочного шоколада биксы искали себе столик. С длинными ногами и грудями, словно только что после пересадки силикона. У Родика даже заныло внутри, – до чего такой телке под юбку залезть хочется! Но вид у них такой, словно они только на секунду с глянцевой обложки соскочили чисто кофейю попить, и ни на кого глядеть не

хотят. Родиона на этом фуфле не проведешь, он-то знает, что как раз у таких девах боковое зрение лучше всего работает, такие, все что нужно, подмечают. Стоит им только помахать, так они через пару минут рядом окажутся. Все просто, только, ясный перец, махать надо из новенького джипа с хромированными решетками и тонированными стеклами. И чтоб в кармане лежал пресс из баксов – пальца в два толщиной, тогда любые бабы сговорчивые делаются и податливые...

Автобус дернулся и, слава богу, увез Родиона от соблазнительного видения, путающего мысли о деле. С глаз долой – из сердца вон. Всему свое время, как говорится, дойдет очередь и до таких длинноногих бикс...

Глист-то реальный, а вот парня в маске вообще нет, даже в проекте. То есть родится-то он где-нибудь родился, вот только где? Примерялся Родион к паре ребят, прикидывал даже Клочка завязать, да только туфта это все. Были же у него в микрорайоне нормальные пацаны: Русый, Зил, Бульба и другие. Другие давно рассосались, Русый сел в тюрьму, Бульба – на иглу, а Зила глючит еще больше, чем Глиста. Потому и сценарии в голове Родиона складываются корявые, все с мокрухой, да с беготней от ментов. Глист гнилой, второго подельника нет, и самому Родиону раскрываться тоже нельзя. Тем более, когда мокрая статья на пожизненное тянет. А ведь Родик, он же Метла, случись что, будет первым подозреваемым. Он вообще сильно удивился, как это его в охранники взяли – с судимостью-то. То ли недоглядели, то

ли просто порядков не знают, непуганные. Он, конечно, не материально ответственный, но при таких бабках состоит... Родион покосился на мешки. Тут, ясный перец, у кого хошь слюнки побегут, руки зачесутся, мыслишки завертятся...

3

– Что-то у меня с утра голова болит, – донесся до Родика томный голосок Константиновны.

– Перебрала вчера, а, Люда? – с пониманием отозвался Ключок.

– Да нет, ты, Леня, все об одном. Просто не выспалась.

– Долго сидели?

– Да, было так весело, так весело...

– А что ты Макароновне подарила? Что-нибудь оригинальное?

Что, насторожился Метла, главбухша уже наличкой не берет?

– Да чем ее удивишь, у нее чего только нет! Один крутой мужик, правда, выпендрился – домашний кинотеатр подарил!

– Круто! – выдохнул Ключок. – А ты?

– Да так, хрусталь богемский, наборчик такой на шесть персон.

– Круто! – вздохнул Леня.

– Праздник же – день рождения.

– Надо же – домашний кинотеатр!

– Ну, знаешь, при таких калымах, что он с устроенных ею подрядов имеет...

– Хрусталь-то тоже, поди...

– Ну а ты как думаешь! – чуть обидевшись, сказала Константиновна. – Сам-то что дарить будешь?

– Людмила, ты же знаешь, у меня на дорогие подарки бабок нет, – как всегда заканючил Ключок. – Вот, я ей домашний кинотеатр могу установить. Там техника сложная и пространства под нее надо немало...

– Да Макароновна-то найдет!

«Ни хрена у них ставочки!» – поразился Родион. Он сам и не нюхал, что это за игрушка такая – домашний кинотеатр. День рождения это он понимает, друзья могут бутылку коньяка принести местного разлива, видеокассету с порнушкой или еще чего. А тут... Не слабо главбухша загреба-ет, прикинул Родион. Такую аппаратуру только крутые покупают. Все-таки главбух – серьезная должность, денежная. Так что кому Макароновна, а кому Антонина Макаровна. В этом Ключок с Константиновной Родиону равны: в глаза никто из них главбухшу лапшой не обзовет. Может, коллеги его за человека не считают, но Макароновна их всех на одной доске держит. Или почти на одной, раз Константиновна с Леней на ее день рождения приглашены. Только она-то домой, а напарник – на службу, видать. Такой прыти, честно сказать, Метла от полставочника не ожидал. Может, ему

Константиновна протекцию составила, ей-то с мужем проректором приглашение по должности, считай, положено.

Ну их всех к черту, с их гулянками да подарками, у них свои проблемы, у него – свои...

Бульба – он, конечно, на любое дело, где бабками пахнет, готов не глядя подписаться, но ведь (наркотик конченный!) сдаст по любому, а уж тем более если залетит. А не залетит – под кайфом сболтнет, другой наркуша следующему, так до ментов информация и доскачет. Бульба он, как шприц, одноразовый. Ясный перец, его после дела убирать надо. Родик наркоманов не уважает, гнилые они все, но мочить Бульбу ему совсем не хочется, поганая затея, да и опять – он сразу в подозреваемые попадет. Тут легко погореть можно, а гореть с бабульками вдвойне глупо. Он – Метла – не для того на нарах парился, чтобы так легкомысленно рисковать. Риск должен быть минимальным, а выигрыш – максимальным. Чтоб раз – и на всю жизнь закрома полные. А там хошь бизнесом занимайся, хошь на золотом песке валяйся, загорай, пока не облезешь.

Единственный, перед кем раскрыл свои планы Родион, был Зил. Ну, не совсем раскрыл, а намекнул. Зил не дурак, о чем базар, понял и сразу крутить стал, межеваться. И вопросы задавал – про детали. Что да как? Родик, ясный перец, не раскололся, конечно, но и интерес Зила постарался поддержать. Вдруг Зил просто дурака валяет, а на самом деле вовсе не такой псих, каким хочет казаться? Похоже, когда надо,

он может и соображать. Пусть хитрый, ладно, дураки Метле тоже не нужны, дураков полно, но пусть не пытается пере-хитрить его самого. Сам-то он без Родика ничего сделать не сможет, и пытаться нечего. Хотя бы потому, что Зил не сможет узнать, когда и сколько денег повезут в институт. Этого заранее никто не знает, даже им, охране, сообщают чуть не в последнюю минуту. И не из-за конспирации, а просто потому, что бабки распределяет какой-то жирный чиновник, которого, может, в глаза только одна Макароновна и видела, и делает он это, когда захочет или когда уже всем приятелям своим бабки отстегнет или еще как... Только без Родиона Зил дело не потянет. Это он должен понять или Метла с ним больше не знаком. Вопрос с Зилом надо прояснить раз и навсегда, спокойно так поговорить, серьезно, чтоб знал, сволота, кто в деле главный, и не рыпался. Но и время тянуть не надо, не то обязательно найдутся какие-нибудь приткие ребята, ясный перец! — залезут вперед и всю мазу Метле поломают...

Пазик миновал центр, быстрее проехал по Красному проспекту до площади Калинина, а тут уже рукой подать до института. Бодро подскакивая по мостовой, смахивающей на стиральную доску, автобус докатил до заветной чугунной решетки, изображающей ворота вуза. Володя, библикая громче Соловья-разбойника, пугнул с дороги десяток студенток-гулен, влетел на территорию и, лихо развернувшись, остановил машину у крыльца. Имеет право лихачить, не дрова везет

и даже не целлюлозу, а ее окончательный продукт – бумагу с красивыми водяными знаками. Родион встал, чуть размял спину – не в «мерседесе», чай, ехал и взялся за свой (временно свой) мешок. Выходя из автобуса, Метла глянул по сторонам: вокруг болтались праздные студенты, чуть поодаль другие лоботрясы курили, никого подозрительного видно не было. И то сказать: почему вдруг Родик решил, что народ вокруг все сплошь такой же сообразительный, как он сам?

Леня Клочок о чем-то опять размечтался и встал только после родикова тычка. Встал, мешок подхватил и покосолапил вперед. О чем, ясный перец, эта дубина постоянно думает? Что институтские деньги плохо охраняются? Метла покосился на Леонида. Не, на хороший план у такого тормоза ума не хватит, уж кто-кто, а Клочок ему не конкурент. И кишка тонка, хоть он Родика на полголовы выше и в объёме шире. Это сразу чувствуется – сила, она не в живом весе измеряется, а в чем-то совершенно неуловимом. Ведь Родик с Клочком в разведку не ходил и даже налет не переживал, а вот точно знает, что кишка у того на серьезное дело тонка. И еще знает, что сам перед собой, если что, Леня будет оправдываться высокими моральными качествами, дескать, он не такой, а честный. Но дай любому честному 100 процентов гарантии, что можно миллион взять и никакой опасности, никакого следствия не будет, – любой честный сразу призадумается, да и то, ясный перец, – для виду. А сам будет опять придумывать, почему ему, честному, эти бабки взять

можно. Так что нечего, граждане, из себя ангелочков разыгрывать, Метла вам всем цену знает!

Мешки тяжелые, хорошо хоть касса на первом этаже. Родион свою брезентуху тянет, а для равновесия в другую сторону вопросительным знаком клонится: это ж сколько денег они сегодня приперли? На все долги по зарплате хватит, да еще куча останется. Куда столько? Неужели начальство прямо из кассы налом хапает? Вот про их ходы и тайную жизнь Метла знает мало. Понятно: все, что плохо лежит к рукам липнет, но вот как все дела обдeldываются... Ленку расспросить бы... Да он, лопух, поди и не знает, хотя вот каким-то странным боком в ихний круг допущен, и с Константиновой он на ты. Они хоть и ровесники, но мужик-то у нее проректор, по институтским меркам – крутизна. Главбухша с чего-то Ленью на день рождения зовет, хотя, может, это она тут, на службе отмечать будет, а не дома. Но и на службе, конечно, далеко не всех приглашают, сотрудников-то несколько тысяч, а зовут какого-то Клочка. Не все тут чисто, надо бы Ленью осторожно расспросить, может, и проболтается сдуру. Или он не так прост, как прикидывается?

Родиону надоело гадать, он все утро задает себе бесконечные вопросы, и почти все они остаются без ответов. Ясный перец, на фига ему эта викторина? Ну, вот опять! Хорошо хоть то, что скоро он получит зарплату и сможет в кабак закатиться, или с друзьями побазарить, или девчонок поснимать. Когда в кармане рубли шуршат – все можно, сегодняш-

ний вечер его, а дальше видно будет...

Клоков первым доволок свой мешок до финиша – дверей кассы. Родик пристроил свой рядом. Константиновна с умным видом путалась в связке ключей. Уж тут-то могла быть посообразительней. Наконец все срослось, щелкнул последний замок. Кассирша распахнула дверь, охранники заволокли мешки в помещение и поставили у сейфа.

– Все, мальчики, выметайтесь, вам тут нельзя находиться! – придурочной улыбкой Константиновна старалась смягчить грубое «выметайтесь!». Чего тут манерничать, инструкция есть инструкция, но ей, видно, все-таки неловко. Не перед Метлой, ясный перец, а перед Леной. Вот пусть он и раскланивается с кассиршей. Родион развернулся и, не глядя на Константиновну, покинул помещение. Клочок действительно что-то там пробормотал и вышел следом. За его спиной клацнул замок.

– Постой, ты куда? – окликнул Клоков напарника. – Не уходи, Людмила нам первым деньги выдаст.

А он уходить и не собирался, знал, что Ленка договорится. Дурак он, что ли, в общей очереди потеть? В конце концов, она им должна, они эти мешки на себе перли, им по заслугам и зеленый свет.

– Сейчас, она только мешки распакует, – пообещал Клочок.

Все равно минут 15–20 пройдет, наверняка она по инструкции бабки сначала в сейф сложит, а уж потом раздавать

начнет, как будто нельзя из мешка выдавать. Дело-то простое: получила бабки – раздай людям, но инструкций тьма, на каждый чих. Кстати, они тут не одни, те же бухгалтера, канцелярия и прочая шушера, которые первыми про зарплату узнают, уже выстроились у окошка. Клочок с ними сразу базар завел – вот, блин, всеобщий любимец нашелся, а Метла к стенке притулился. Не любит он зря язык чесать, да и девки тут как на подбор скучные, все из себя что-то строят. Ему девчонки попроще нравятся, а эти – сплошь заочницы, и Клочок за ними тянется, тоже на втором курсе третий год учится, ботаник хренов. Таких ученых кайлом да тачкой лечить надо, а бабам всем замуж надо, вот ради этого они, ясный перец, сопромат и грызут. А как мужика найдут, так вся учеба побоку. Вот только Клокову это не светит, ему до-олго еще канителиться с зачетами да экзаменами. Каждый сам себе проблемы по жизни придумывает, сам и маяться будет. Родиону этого не надо, он одного своего дня на сопромат бы не променял, у него голова есть для этого. Ему бы только свою заветную задачку про два мешка решить и все, отдыхай не хочу, гуляй по свету, кайф лови.

Размечтался Родион так, что не услышал, как щелкнул замок кассы. Встрепанная Константиновна нервно переставила ключ изнутри наружу, заперла дверь и быстро-быстро засемила по лестнице на второй этаж. Вот те раз, конец балета, а кто им бабки-то выдаст? День вопросов, блин, какой-то, даже флегматичный Леня уставился вопрошающим

взглядом на пустую уже лестницу. Ну, ясный перец, неведуха, словно пятница 13-е, засада сплошная!..

Глава вторая

Антонина Макаровна

1

В дверь постучали так, что Антонина Макаровна даже вздрогнула. Ну, никак ее в покое не оставят с этим днем рождения. Вчера все ходили, поздравлялись, сегодня едва она в кабинет – опять начали. То звонят, то в двери заглядывают и все с таким простодушным видом, что прям воротит. А ведь она в институте должности не раздает, зарплату не назначает. Так чего все лебезят? А, может, они и правы, не последний в институте человек – главбух.

– Я занята!

Стук в дверь стал еще громче.

– Тьфу ты, черт! – Антонина Макаровна оттолкнулась от столешницы, кресло чуть откатилось, и она смогла выбраться из-за стола. От этой сидячей работы спина словно деревянная, а живот и бока... Правда, шейпингом, что ли, каким-нибудь заняться, как Людмила советует? Она дура, конечно, но за собой следит, для Виктора старается. А после занятий, в баньке, у Людмилки язык побойчее станет, она ведь много интересного знает от своего муженька, не зря же

тот на время командировки шефа вместо Игоря Кирилловича остался?

Стук перешел в барабанную дробь. Ну, это уж ни в какие ворота... в смысле: кто ж так может к главбуху ломиться? Такого себе даже Игорь Кириллович не позволяет. Вот сейчас нахал у нее получит!

Антонина Макаровна подошла к двери и щелкнула замком. Створка вдруг распахнулась, как от удара, за дверью оказались двое парней в хаки и такого же цвета бейсболках, натянутых на самые глаза. Военные, что ли?

– В чем дело? Вы не в казарме! Чего стучите?!

Первый парень вдруг толкнул Антонину Макаровну в грудь так, что она попятилась. Парни вошли в кабинет, а второй закрыл за собой дверь и щелкнул ключом.

– Да как вы смеете? В чем дело?! Кто вы такие?!!

– Не ори, тетка! – Первый выхватил откуда-то пистолет, зашел сбоку и приставил холодное железо к виску Антонины Макаровны. Свободной рукой он рывком развернул ее назад, лицом к столу. Потом раздельно и спокойно сказал. – Будешь орать – получишь травму головного мозга, а будешь мешать, травма станет несовместима с жизнью. Поняла?

– Нет... да... Кто вы такие, что вам надо? – Антонина Макаровна зашаталась, сделала несколько шагов вперед.

Металл у виска почему-то заставлял ее тянуть голову вверх, словно так было безопаснее. Почувствовав перед собой родной стол, оперлась на него. Все происходившее бы-

ло слишком стремительным и нереальным, ноги подкашивались, а в животе образовалась пустота, как после недельной диеты. Не время о еде, какая еще еда...

– Вы террористы, да? – догадалась Антонина Макаровна.

– Ага. Аллах акбар, – сказал второй.

– Не трепись! – оборвал его первый, наверное главный. –

Времени нет, делом займись.

Наступила короткая пауза. Антонина Макаровна заставила себя посмотреть вниз – рядом на столе стоит телефон. Только надо вытянуть руку и чуть наклониться...

– Смирно стой! – приказал ей первый, хотя она еще ничего не сделала, только подумала об этом. Сзади завозились, вдруг что-то холодное коснулось шеи, проникло под платье, потом последовали рывок и звук распарываемой ткани.

– А-а-а-а! О-о-о!!

– Молчи, я сказал! – Первый схватил со стола бумагу и попытался засунуть ее главбухше в рот. – Заткнись, поняла?

– А-а-а-а... что вы делаете?

– Вентиляцию, блин!

Антонина Макаровна невольно поежилась. Что они там делают с ее спиной?

– Вы что! У вас матери есть?

– Дура ты, тетка, и лечить уже поздно, – прошипел на ухо первый налетчик. – Чувствуешь вот это? – Он ткнул пальцем в спину, и Антонина Михайловна поняла, что между пальцем и кожей есть что-то еще. – Это – взрывпакет, а вот

это... – Перед глазами главбухши возникла рука с черной коробочкой, из которой торчали антенна и кнопка. – Это – дистанционный пульт управления. Стоит мне нажать на эту кнопку, и взрывпакет взорвется. Мы его приклеили как раз с левой стороны – напротив сердца, поэтому долго мучиться тебе не придется. Одно лишнее слово или движение – взорву к черту, поняла, корова старая? Если поняла, то скажи, а еще лучше – кивни. Ну!

– Поняла, – кивнула Антонина Макаровна. – Что вам от меня надо? Здесь учебное заведение, я бухгалтер. Что вам надо?

– А ты не такая уж и корова, соображаешь! – хмыкнул первый, убирая от ее виска пистолет. – Теперь переходим к главному. Сейчас ты позвонишь в кассу и прикажешь кассирше прийти сюда.

– Я не могу ей приказать. По инструкции...

– Насрать на инструкцию, – оборвал главный, – говори что хочешь, но чтоб кассирша была здесь через три минуты.

– Ее сейчас, наверное, нет, – вспомнила Антонина Макаровна, – она должна была с утра уехать в...

– В банк, мы знаем. И знаем, что она уже вернулась, звони!

– Я не могу...

– А ну иди сюда! – главный налетчик толкнул Антонину Макаровну вперед, они обогнули стол. – Садись ее!

Подручный придержал вертящееся кресло, вдвоем они усадили в него главбухшу и встали за спиной. Первый схва-

тил ее за плечи и притиснул к спинке.

– Чувствуешь взрывпакет? Он как раз у твоего сердца. А вот эта спинка, к которой мы тебя сейчас привяжем, она из крепкого пластика и когда мина рванет, то взрыв будет направленным, спинка его отразит и в твоём жирном теле образуется здоровая дымящаяся дыра, ты это понимаешь?! Давай, звони быстрее!

Антонина Макаровна помотала головой, но не от того, что против, а потому что правый висок ломило так, словно дуло пистолета уже продавало там дыру. Первый истолковал жест по-своему и снова поднес к глазам бухгалтерши дистанционный пульт.

– Считаю до трех! Раз!..

2

Вчерашний день выдался заполошным, и половина его ушла на звонки. Звонили знакомые и не очень, коллеги со старых работ, партнеры и поставщики. Сотрудники института заходили лично и до того надоели, что, в конце концов, Антонина Макаровна заперла дверь кабинета на ключ. А то ведь сосредоточиться невозможно, а ей полугодовой отчет на днях сдавать! Девчонки у нее в бухгалтерии опытные, но и на старуху, как говорится...

Вот так каждый год: перед своим днем рождения она минуты свободной не имеет, дел по горло. Уже в конце дня вы-

брала момент, позвонила домой:

– Привет, как дела, Слава?

– Хорошо, дорогая, вот только столько хлопот, что присесть некогда!

– Тебе присесть, а мне из-за стола встать не дают – то звонят, то в кабинет лезут, а тут еще отчет... Из магазина не звонили?

– Нет.

– Ольга дома?

– Нет, как с утра ушла...

– Ну, пока.

– Тоня, вечером не задерживайся!

Вот взял манеру ее поучать. Не опаздывай, позвони, скажи... Только «застегнись» еще не говорит, а то был бы копией родной тещи в молодости – не отличишь. Даже интонации, показалось Антонине Макаровне, у них похожи. Она набрала другой номер.

– Зоя, привет, ты чего не звонишь мне, а?

– Здравствуйте, драгоценная Антонина Макаровна! – Зоинутому восторгу не было края, товаровед «Галантереи» на том конце провода таяла, как сыр в духовке. – Да разве до вас дозвонишься? Вы же нарасхват, особенно сегодня. Мы с утра с девчонками звонили, стихи поздравительные сочинили, а вы то трубку не берете, то занято без конца. Антонина Макаровна! Я вас поздравляю от всего нашего коллектива, желаю, чтобы дебет всегда сходился с кредитом, а также

здоровья, счастья и больших-больших дивидендов. А мы вам всегда готовы во всем помогать. Вы, наверное, сегодня такая красивая, прям – царица бала! Хоть бы одним глазком увидеть! Хотите, сейчас стихи прочту или попозже, когда к нам заедете?

– Не трещи, Зойка, аж ухо болит, – чуть строго сказала главный бухгалтер. – Как у вас там дела идут?

– Нормально, Антонина Макаровна, – бодро ответила Зоя. – Контора пишет, в смысле – считает. Товар поставщики весь, какой должны были, подвезли, выручка, Галя прикидывала, обычная, средняя для лета. Все в порядке, разве мы можем подвести вас в такой день? Если не верите – проверьте!

Как можно не верить такому искреннему возмущению, особенно когда знаешь, что в любой момент можешь эту подлизу уволить. И она, Зойка, это, конечно, тоже распрекрасно знает.

– Верю, поэтому проверю завтра, – сказала Антонина Макаровна. – За поздравление спасибо, всем передай, с меня шампанское.

– А стихи, Антониночка Макаровна?

– Все завтра, сегодня мне некогда. Пока.

– Всего вам хоро...

Главбух не привыкла говорить дольше, чем надо и по телефону, и лично. А слова льстивые ее не очень трогают, знает она всем этим зойкам цену, даже если они, как Людмила,

вдруг поднимаются наверх. И нутро, и манеры – все прежнее остается, никуда не девается. Все они – рядовые да сержанты, так сказать, а она, как-никак – дочь полковника, и со всякими паршивками ее не перепутаешь.

Антонина Макаровна достала пудреницу, посмотрелась, мазнула подушечкой по носу и лбу. Нет, не перепутаешь. Папа служил в инженерных войсках и сумел пристроить дочь в профильный институт. А потом она в здешнюю бухгалтерию попала, правда, не сразу. Может, этот институт и не самый большой на свете, зато она тут главный бухгалтер, и все с ней считаются, вплоть до самого Геннадия Кирилловича, а он человек с большими связями, да не местными, а московскими, вот бы с кем сойтись поближе...

Жаль, очень жаль, что сынок его уже женат, да на ком, на простой, можно сказать... чуть не уличной. Не поспела вовремя ее Оленька... «Эх, дочка, дочка, горе ты мое, что ты себе там думаешь? – вздохнула Антонина Макаровна. – Где тебя черти носят?»

Надо что-то с Ольгой делать, надо что-то придумать, вот только сегодня сумасшедший день и вечер будет такой же. Может, Романюка с сыном позвать, повод вроде удобный...

Размышления прервал телефонный звонок.

– Дорогая-любимая Антонина Макаровна! Поздравляю вас...

– Ну, спасибо...

...В полшестого Антонина Макаровна решила, что с нее

хватит и вызвала машину.

– Как обычно, в магазин? – ухмыльнулся шофер.

– Сегодня домой, Коля.

– Точно! У вас же день рождения! Поздравляю и желаю...
Тьфу ты, до чего надоели!

Гости, как вечно бывает, стали собираться с легким опозданием, и чем беднее, тем больший букет. Видно, чтоб «не хуже, чем у других». Больше всего несли лилии. Они появились недавно, потому в нынешнем году были в моде. Резкий тяжелый запах заполнил все пять комнат и терялся только на кухне, где над чужими деликатесами колдовали Слава и специально нанятая официантка. Там Антонина Макаровна тоже долго не могла находиться, ведь ей надо было развлекать гостей. Так, оглядела деваху – хорошенькая, но чуть вульгарная, как и все официантки. Слава, конечно, с ней вежлив, но уровень-то разный, против этого не возразишь. Проинспектировав кухню, Антонина Макаровна вернулась в залу, где приглашенные вяло рассматривали картины (уж не думают ли, что она их у метро покупала!) или мялись у столика с аперитивами. Один Дмитрий Иванович выпивал хорошо, он всегда хорошо выпивает, ни на одном торжестве на памяти Антонины Михайловны он до конца не досидел: или под стол скатится, или жена на служебной машине домой увезет. Такое поведение ход светской вечеринки нарушает, но как не пригласить в гости личного друга мэра, он же в любом состоянии любой вопрос решить может. А интеллигентные люди

на чужих слабостях никогда внимание не заостряют. Да и у кого их нет, если вдумчиво вокруг посмотреть? Даже у идеального, как его в бухгалтерии прозвали, Виктора Денисовича и у того слабое место нашлось, впрочем обычное, Людмила недолго его искала, просто вцепилась покрепче других и свое получила.

– Не скучаешь, Людмилочка?

– У вас прелестно, Антонина Макаровна! Мне очень весело!

– Позволь познакомить тебя с Павлом Робертовичем, начальником комитета образования. Павел Робертович, это Людмила э-э-э Константиновна, супруга Виктора Денисовича.

– Очень приятно!

Старый хрен склонился к кассиршиной ручке, а та и млеет, дура, перед этим голубцом, который бы, конечно, предпочел облобызать ее мужа.

– Мама! – позвала Антонину Макаровну дочь. – Папа говорит, что можно приглашать к столу.

– Нет-нет, еще не все гости собрались. Ты хорошо себя чувствуешь, Оленька?

– Да, мама!

И сразу в сторону метнулась, словно у нее дел невпроворот. Вот сама станет матерью, тогда поймет... Тьфу-тьфу-тьфу, не дай бог раньше времени! Пусть дочь поучится, помнеет, тогда, конечно, а сейчас... Кто поймет, что у нее на

уме, она же ничего Антонине Макаровне не рассказывает! Сегодня Оля заявила с первыми гостями, подарила нежные хризантемы: «Поздравляю, мамочка!» Глазки блестят, как маслинки, а ручки целлофан теребят. Чего так разволновалась? Что натворила? Некогда и поговорить с родной дочерью, надо с гостями со всеми перекинуться хоть словечком.

В прихожей раздался долгожданный звонок, новорожденная поспешила к двери.

– Добрый вечер, драгоценнейшая Антонина Макаровна! – За порогом стояли оба Романюка. Геннадий Алексеевич протянул единственную бордовую розу. Вот шик у человека! Даже за опоздание не извинился.

– Поздравляем вас с днем рождения, – присоединился Борис, – и надеемся, что наш подарок поможет вам отдохнуть от работы...

– И от нас – надоедливых! – добавил Романюк-старший.

Новорожденная старательно еще раз понюхала цветок, но шутку про отдых так и не поняла. Геннадий вечно модничает, слова в простоте не скажет.

– Прошу вас, гости дорогие! – распахнула она дверь пошире.

– Минутку, Антонина, – попросил Романюк-старший. Тут раскрылись двери грузового лифта, и оттуда появились грузчики со здоровенной коробкой, вернее ящиком. – Сюда, ребята!

Антонина Макаровна посторонилась, а ребята заволокли

свой груз в прихожую.

– Распишитесь. – Один протянул квитанцию.

– Это что, Геннадий?

– Подарок. Домашний кинотеатр.

– Да у меня вроде не юбилей...

– Ничего, ничего, все нормалек.

– Ну, Геннадий, ты меня опять поразил. – Антонина Макаровна обошла коробку.

– Мама, ну скоро ты, все ждут? – В прихожую влетела Оля. – Ой, что это?

– Домашний кинотеатр! Геннадий Алексеевич подарил! – гордо сказала мать. – Вот, Оля, кстати, познакомься, его сын Борис. Вы ведь еще не знакомы?

– Очень приятно... Вот это круто!

– А мне вдвойне приятно и трижды круто, – улыбнулся Борис.

– Это я про подарок, – смутилась Оля. – Очень уж шикарно.

– Ну что вы, Олечка, мы ведь с вашей мамой не только партнеры, но и друзья, – сказал Романюк-старший. – Примите от чистого сердца!

– Оля, закрой дверь, – попросила Антонина Макаровна. – Геннадий, Борис, проходите, пожалуйста.

Чудесным образом остальные гости уже оказались оповещены о подарке. «Не зря ждали...», «Это сколько же он с подрядов имеет...» Шепоток пролетел и растаял, но Анто-

нина Макаровна постаралась клеветников разглядеть. Проходившей мимо Оле она успела шепнуть: «Обрати внимание, доча, на Бориса. Очень перспективный молодой человек – учится на экономическом и уже помогает отцу в фирме!» Оля, конечно, дернула плечиком, но не дура же она и глаза у нее есть: высокий, красивый, богатый, молодой – чего еще хотеть?

За столом Антонина Макаровна посадила молодых рядом. Она видела, как Борис быстро освоился и стал ухаживать за Ольгой. Доча, молодец, повела себя скромно и строго. Мальчика из золотой молодежи только так и можно привлечь – безразличием, наверняка за ним девчонки толпой бегают.

Народ подобрался все сытый, ели через силу, а пили исключительно виски, коньяк и мартини. Тосты говорили такие витиеватые, словно собрались одни академики. И то сказать, их институт уже решено переименовать в Академию. Звучит солиднее, глядишь, и средств из министерства будут побольше выделять, а, значит, больше денег пойдет на ремонт учебных корпусов, общежитий и прочего хозяйства – перспектива хорошая.

Антонина Макаровна посмотрела на Геннадия. Улыбается до ушей, бестия! Ну, до чего обаятельный, и дела умеет обдeldывать – никакая инспекция не докопается. Если сын в него, то у Оли есть хороший шанс. Дочь по-прежнему беседовала с Борисом через губу. Ничего, после ужина у нее будет время стать любезнее. Официантка подала кофе, а муж

включил видео из Таиланда.

– Остров Бали – это сказка, мы там были в отпуске, – сказала Антонина Макаровна. – Правда, Оленька? Расскажи, как ты сидела верхом на живом крокодиле.

– На крокодиле? Живом? – всплеснула руками Людмила. – Ой, я тоже хочу.

– Да ничего особенного, – вяло сказала Оля, – просто им так разжимают челюсти, что их заклинивает, так что можно и в пасть залезть.

Дальнейший рассказ пришлось вести Славе. Вот это муж умеет, и как он только запоминает всю ту чепуху, которую говорят экскурсоводы? Да просто голова у него ни о чем не болит, семья на ее плечах и дочь она одна, можно сказать, воспитывает. Если бы этим занимался Слава, то Оля давно бы уже в подоле принесла, потому что ему все равно, ему на все наплевать. Как бы они без нее прожили? Антонина Макаровна даже плечами пожала в ответ своим мыслям. Нет, надо с дочерью откровенно поговорить, что за апатия, что за кислое лицо? То ли ей так скучно, что она не считает нужным это скрывать, то ли она заболела. Если болеет, то почему не пожалуется? Или тут что-то еще замешано?..

Конец вечера был смазан мыслями о дочери, и утром она проснулась с тяжелым настроением. Слава, как всегда, бодрячком помчался на утреннюю пробежку.

– Оля! – позвала Антонина Макаровна и постучала в дверь комнаты дочери.

– Доброе утро, мама! Я скоро.

– Я хочу с тобой поговорить. – Антонина Макаровна решила разговор не откладывать и распахнула дверь.

Оля, как можно было угадать, еще лежала в постели.

– У тебя сегодня занятия есть?

– Да, со второй пары. Но я сейчас встану. – Девушка откинула одеяло.

– Оля, ты плохо себя чувствуешь? – Антонина Макаровна подошла к кровати и положила руку на лоб дочери.

– Нет, мама, хорошо.

– Мне вчера показалось, что тебе как-то не по себе.

– Нет, все было нормально.

– Но я же вижу! – Односложные ответы дочери начали Антонину Макаровну раздражать. – Ты вчера весь вечер куksилась. Может быть, тебе скучны мои гости, но, например, Борис очень милый мальчик. Мне кажется, – лукаво улыбнулась Антонина Макаровна, – если девушку не интересует такой красивый и перспективный молодой человек, то с этой девушкой что-то не та-ак!

Оля наморщила носик.

– Ну вот! Опять гримасы. Объясни матери, что ты имеешь против Бориса? Студент, умница, работает в отцовской фирме.

– Вот-вот, тебе, мама, он интересен именно поэтому. А мне нет. Оба они какие-то противные... – Оля глянула на мать: не слишком ли она прямолинейна?

– Я знаю, что старший Романюк тебе не нравится, но тебя никто не заставляет с ним общаться, тебе достаточно быть с ним просто вежливой. Но Борис очень перспективный, почему бы тебе не познакомиться с ним поближе?

– Он мне вчера не понравился. Сноб надутый и дурак.

– Это с золотой-то медалью? Да на джипе? – улыбнулась Антонина Макаровна, присаживаясь на край постели. – Послушай, доча, я сама была молодой и еще помню это время. В молодости все ждут какого-то принца заоблачного, какого-нибудь Ди Каприо с Томом Крузом. И я тоже мечтала, мечтала, между прочим, о Шалевиче пополам с Козаковым. Ну и что? Ничего подобного я в жизни не встретила, а встретила твоего папу. Думаешь, он приехал ко мне на белом коне? Он мне ногу на танцах отдал, причем танцевал-то вообще с другой девушкой. Думаешь, он мне в этот момент показался красивым или умным? Нет, я его тоже дураком обозвала... Но Борис тебе ведь подобных поводов не давал? Подружи с ним, пообщайся, сходите вместе куда-нибудь. Ну?

– Не хочу.

– Я тебя не понимаю, тебя же не в загс гонят. Борис тебя обидел?

– Нет.

– Тогда в чем дело, Оля?

– Тебе это нужно, потому что у тебя с Романюком дела?

– Не уходи от ответа.

– Ты – тоже.

– Ты как с матерью разговариваешь! Я тебе добра желаю, хочу помочь сделать в жизни правильный выбор.

– Я уже сделала.

– Что это значит? У тебя кто-то есть?! Отвечай, ты путаешься с мужиком? Кто он?! Как зовут?!

– Мама, я ни с кем не путаюсь, ты неправильно поняла, я...

– Ты с ним спала? Отвечай, дрянь! Ты уже с ним спала? Как его зовут? Он тебя соблазнил, да? – Антонина Макаровна схватила дочь за плечо и как следует трянула. – Отвечай матери! Почему ты скрытничаешь? Он что, женат?

– Перестань, мама, мне больно! – У Ольги навернулись слезы. – Никого у меня нет, отстань! – Она вырвалась и упала лицом в подушку. – Никого!

Дочь зарыдала, а Антонина Макаровна, наоборот, немного успокоилась. Девичьи слезы легкие, а знать правду она должна, всю до капельки – своя же дочь, не чужая. Антонина Макаровна положила руку на вздрагивающие плечи.

– Ну, успокойся, доча, не плачь, я же за тебя волнуюсь, хочу, чтобы у тебя все было хорошо, правильно. Не плачь, не плачь, извини, я ведь не со зла на тебя кричу, ты ведь девочка уже взрослая, должна понимать. Ну, успокойся, повернись, вот так... давай я тебе слезки утру... Ты ведь моя кровиночка, я беспокоюсь, нервничаю, вот оно и выходит... Ты бы сама мне сказала: так, мол, и так, мама, не стану же я тебя силком заставлять... Не нравится – ну и шут с ним, с Бори-

сом, мы другого парня найдем. А если что случилось, если тебя кто-то обидел, ты только скажи, я во всем тебе помогу. Я ведь твоя мама, я всегда на твоей стороне буду, что бы ни случилось. А теперь скажи, доча, у тебя кто-то есть, да?

Оля отрицательно помотала головой, она еще всхлипывала, но слабо и редко. Потом достала платок и вытерла глаза, глянула в маленькое зеркальце.

– Не нравится мне твои нервы, Оленька, – продолжила Антонина Макаровна, – что-то очень легко в слезы ударяешься. Разве наш разговор – повод? В жизни, знаешь, бывают поводы и посерьезней. Ты бы сходила к психотерапевту.

– Мама, ну ты же знаешь, как я не люблю ходить по врачам.

– Никто не любит, но чтобы потом локти себе не кусать... Да ведь я же не в районную поликлинику тебя посылаю, я имею в виду нормального платного врача, специалиста. Я сама у него лечилась, время-то вон какое дерганое, суматошное. Сходи, а?

– Ну, мама-а...

– Что – мама? Кстати, там можешь полное обследование пройти, сколиоз свой детский проверить, к лору сходи, к глазнику, к гинекологу.

– Нет уж...

– Почему?

– Не хочу.

– Ну вот, опять та же пластинка.

– Не люблю врачей. – Оля скорчила гримаску и показала язык. – У них инструменты всякие и пальцы холодные ...

– Это зимой, – пошутила мать.

– А летом надо отдыхать.

– Вижу, тебя не уговорить... – вздохнула Антонина Макаровна. – Ладно, вставай, пойдем завтракать.

К завтраку дочь совсем успокоилась, защебетала, как птичка, даже рассказала пару студенческих анекдотов про то, как выпускники подарили военной кафедре копию картины «Дубовая роща», и как доцент ставил оценки за чертежи, глядя в них, как в подзорную трубу, и ни разу не ошибся. Антонина Макаровна, слышала все эти истории не раз (она же главбух в институте уже семь лет!), улыбалась в нужных местах, пока не догадалась: а откуда студентка второго курса университета знает истории про выпускников военной кафедры? Кто ей эту галиматью рассказал? И чего это она на меня иногда так испытующе поглядывает, словно проверяет или опасается?

Неужели Оля думает, что материнское сердце можно обмануть? Уж кто-кто, а Антонина Макаровна все чувствует, все понимает. Откуда эта скрытность взялась? Обычные девичьи «секреты» или что-то посерьезнее прячется за всеми этими недомолвками? Однажды ей уже пришлось отваживать одного не в меру ретивого поклонника. Сделать это было нетрудно, Леня оказался парнем глупым и доверчивым, но ведь он не единственный, кто на ее красавицу заглядыва-

ется.

После ухода дочери Антонина Макаровна позвонила своей заместительнице.

– Ираида? Ты меня не теряй, я на часок-другой задержусь... Ага, в налоговом управлении, так всем и говори... И Виктору Денисовичу тоже... Пока.

Антонина Макаровна быстро собралась (чашки Слава помоеет, тем более что она вечно забывает, как моечная машина включается), заглянула в кошелек, нащупала в кармане ключ от «ауди» и вышла из дому.

Слава богу, она еще не забыла, как в поликлинике двери открываются. Сама ведь сюда бегала и кабинет тот же, а врачаха, интересно, та же или другая? Той-то уже семьдесят должно быть, поди уже наковырялась... Хотя место, наверное, не самое плохое, не стоматолог, конечно, но тоже человек с креслом. Антонина Макаровна направилась прямо в кабинет.

– Дама, вы куда? Там занято! Очумела, что ли?! – загада дела редкая, но сварливая очередь.

– Мне назначено! – бросила Антонина Макаровна и плечом толкнула дверь.

Пациентка, к счастью, находилась у стола, а не в кресле. Врачиха, как вечно они делают, что-то писала. Лица не видно, но другая, конечно, сразу видно, смена пришла. Доктор подняла лицо.

– В чем дело? Вы видите – у меня идет прием.

– Доброе утро. Я от Татьяны Алексеевны. У меня срочное дело. – Антонина Макаровна решительно села. – Я подожду.

Врачиха внимательно на нее посмотрела и ничего не ответила. Сообразительная, однако.

– Попринимаете эти таблеточки, весь курс, а потом снова сдадите анализы – вот направление, а затем еще раз придете ко мне.

– Хорошо, Наталья Яковлевна. Спасибо, до свидания.

– До свидания. – Врачиха снова склонилась над бланком.

В открытую пациенткой дверь просунулась очередная голова, но Антонина Макаровна уже приступила к делу.

– Наталья Яковлевна, мне вас рекомендовали как прекрасного специалиста, только вы можете мне помочь! Я в этом уверена!

– Посмотрим. Как ваша фамилия?

– Потехина.

– Что-то знакомое. Вы карточку откладывали? Я что-то вас не помню. – Врачиха перебрала бумаги на столе. – На что жалуетесь?

– На дочь, – вздохнула Антонина Макаровна.

– В смысле? – подняла бровки докторша.

– У вас дети есть, Наталья Яковлевна?

– Есть. Но при чем тут...

– Тогда вы, как мать, меня поймете. Наталья Яковлевна, я должна знать, что происходит с моей дочерью, понимаете?

– Пока не очень. Где вы оставили дочь? В приемной? По-

зовите. – Врачиха опять попыталась склониться к своей писанине.

– Дочери здесь нет.

– Тогда приводите ее завтра, а сейчас позовите следующую по очереди.

– Вы, кажется, не понимаете...

– Нет и, кстати, Татьяну Алексеевну я тоже не знаю.

– Это мой гинеколог, это не важно.

– Гражданка, я прошу вас покинуть...

Наталья Яковлевна не договорила, потому что на недозаполненный бланк легли пятьдесят долларов.

– Мне нужно ровно пять минут, – сказала Антонина Макаровна.

– Я вас слушаю... простите, как ваше имя-отчество?

– Антонина Макаровна.

– Очень приятно.

– Я сама в районную поликлинику, извините, давно не хожу. У меня есть свой платный гинеколог.

– Это я как раз поняла. Вас ведь волнует ваша дочь?

– Вот именно. А она наблюдается у вас. Я бы хотела знать все о ее здоровье.

– Антонина Макаровна, существует врачебная тайна и я...

– Я же мать. У вас дети есть?

– Вы уже спрашивали.

– Ну, тем более! В виде исключения, а?

– Если только в виде исключения... – Наталья Яковлевна

смахнула купюру в ящик стола и пододвинула телефон. – Как дочку зовут?

– Потехина Ольга Станиславовна.

– Минуточку... Алло, Лена?.. Это Наталья Яковлевна. Будь добра, принеси мне прямо сейчас карточку Потехиной Ольги Станиславовны... Когда обращалась, не знаю... Спасибо, детка... Антонина Макаровна, ваша дочь регулярно бывает у меня?

– Вот вы мне это и скажите.

– Хорошо, она дома живет? Ведет себя нормально?

– Конечно, она очень хорошая девочка.

– Чего же вы так волнуетесь?

Риторический вопрос остался без ответа, медсестра из регистратуры принесла карточку. Шепнула что-то на ухо врачихе, косо посмотрела на Антонину Макаровну и вышла. Видно, успела заглянуть в карточку и удивилась тому, что пациентка выглядит чуть старше.

– Вспомнила я вашу девочку, мамаша, – сказала Наталья Яковлевна. – Взрослая уже барышня, она периодически бывает на осмотрах, жалоб особых нет, здоровье нормальное. Так что можете не беспокоиться.

– Разрешите мне посмотреть, – протянула руку Антонина Макаровна.

Врачиха карточку не отдала.

– Вы мне не верите?

– Дайте посмотреть!

– Во-первых, вы ничего не поймете даже там, где нет латыни – у меня, как и у всех врачей, отвратительный почерк, во-вторых, я вам все сказала: ваша Оля вполне здорова.

– Скажите мне... понимаете... Оля еще девушка?

– Ваша дочь взрослый человек, она сама за себя отвечает.

– Ваше мнение меня не интересует. Моя дочь – девушка? – На стол врачихи легла еще одна купюра. – Ну?

Наталья Яковлевна сгребла бумажку.

– Уже нет, но это обычное дело, не расстраивайтесь...

– Сама знаю, что обычное, – пробормотала Антонина Макаровна. – Как же она могла?

Решив, что этот вопрос уже не к ней, докторша промолчала.

– Ну, я с ней разберусь!

Сев в машину, Антонина Макаровна достала мобильник, но потом передумала и кинула его обратно в сумочку. Говорить об этом по телефону глупо. Да и торопиться не следует, хотя так и хочется заорать на глупую девчонку. Она-то, дура, подыскивает ей хорошую партию, рассказывает про английскую школу и фортепьяно, распинается перед Романюком, а самого главного о своей дочери, оказывается, не знает. Молодость – понятно, сама была такой, весело жила, но ведь это были театр, танцы, как максимум – поцелую на лестнице. И только в 19 лет она впервые позволила мальчику... Тьфу, черт, не об этом думать надо. Романюк – ладно, и так никуда не денется, дело вообще не в мужиках, их-то как

раз на Ольгин век, с ее личиком и фигурой, хватит. Вопрос в том, почему дочь скрыла, что у нее есть ухажер. Да не простой, а... Кто же этот оболтус? А вдруг это тот Леня? И когда они... Вот что надо было спросить! Как давно дочь скрывает свой роман? Впрочем, раз до постели дошло, то ситуация серьезная. Вплоть до... ну, если она в подоле принесет, тогда... Антонина Макаровна аж зубами закрипела... Убить дуру мало! И как же она-то проглядела? А папашка... Тот вообще никогда ничего дальше своей логарифмической линейки не видел, а Ольгу всегда баловал, в куклы с ней играл. Вот и доигрались!

В Институт Антонина Макаровна приехала злая, как черт. Зашла в расчетную группу, наорала там на девчонок, потом сделала выговор заместителю Ираиде и только тогда поднялась на второй этаж к себе в кабинет. На сегодня было намечено отметить день рождения на службе, так все начальники делают из соображений демократичности. Значит, надо список гостей пробежать (не забыла ли кого нужного?), организовать подчиненных на нарезку закуски, пригласить еще не охваченных гостей, а у Антонины Макаровны и без этих хлопот все из рук валится. Она даже достала из сейфа бутылку коньяка и приняла рюмочку. Решила, что сначала надо успокоиться, а приготовлениями можно заняться и после обеда, день еще длинный. Антонина Макаровна села за стол и придвинула к себе полугодовой отчет. И в этот момент в дверь громко постучали...

...Правый висок ломило так, словно дуло пистолета уже продавило там дыру, а перед глазами Антонины Макаровны плыл дистанционный пульт со страшной белой кнопкой посередине.

– Считаю до трех! Раз!.. – Голос главаря впервые напрягся.

– Я позвоню, позвоню, – поспешно сказала Антонина Макаровна. – Разрешите?

Налетчик пододвинул ей телефон. Она сняла трубку и набрала номер.

– Людмила? Это Антонина Макаровна. Зайди ко мне, у меня к тебе важное и очень срочное дело!

– Но я же не могу оставить...

– Это касается твоего мужа. Быстро иди ко мне, Люда. Всего на пять минут...

Глава третья

Людмила

1

Распахнутый сейф был забит уже наполовину, а до второго мешка она еще и не добралась. Много места заняли медали из золота и платины, заказанные специально к юбилею института. Каждая из кругляшек упакована в специальный футляр – не дай бог поцарапать или ударить, тут и мужниной зарплаты не хватит расплатиться. Людмила выпрямилась, вытерла ладонью пот, затем достала платок и повторила движение. Дурная привычка, хорошо, никто не видел.

Ох, денег в этот раз выдали столько, что даже у нее, кассира, рябит в глазах: получка сотрудников и студенческая стипендия за три месяца, да еще средства на юбилей института, и немного – на премию ректорату за хорошую организацию юбилея. Ну а как иначе, ведь праздник организовать это же как... как заново построить! Вон как Витюша старается, крутится с утра до вечера, словно юла. А ведь не мальчик, но о здоровье проректору думать некогда, тем более, когда сам Игорь Кириллович уехал в Москву в командировку – финансы выбивать. Они, деньги эти, им положены, потому

что институт – головной за Уралом, ни иркутский, ни хабаровский с ним рядом не стоят. Потому и в праздник нельзя в грязь лицом, надо, чтоб все на высшем уровне. Министр из столицы пожалует, коллеги, гости всякие, даже из-за границы. За такой юбилей не то что премия, месяц курорта – и то мало! Витюша похудел совсем, осунулся и раздражительный стал, чего с ним раньше никогда не бывало. Ясно, что в отсутствие шефа, муж должен проявить себя по максимуму, зарекомендовать с лучшей стороны, показать, на что способен. А он способен и на большее, и если шеф уйдет на повышение, например, в замминистры, то Витюша... Не хочу, говорит, загадывать, но Людмила его мечты понимает, она же чувствует, она верит. Придет время, и не будет уже Макароновна перед ней нос задирать, хвалиться связями, а выучит ее отчество и кланяться будет ниже, чем начальнику управления. Ейный-то Слава – настоящая домработница, так что Макароновна уже свое взяла, больше ей не светит, а вот у Витюши все шансы есть, он в хорошем возрасте, Игорь Кириллович ему доверяет, а уж умный какой! Как начнет говорить, так у Люды мурашки по коже бегут – до чего красиво и непонятно. Все бы хорошо, если бы не прошлая Витюшина семья. Хоть он и говорит «не обращай внимания», а все-таки неприятно. Но Людмила старается делать вид, что все нормально – чтобы Витюшу не огорчать.

Зазвонил телефон, и погруженная в свои мысли Людмила почему-то вздрогнула.

– Алло?.. Антонина Макаровна?.. Но я же не могу оставить... Хорошо, бегу!

Сердце Людмилы после разговора вдруг рвануло с места в карьер. Что случилось? При чем тут Витюша? Главбухша ничего не объяснила, наверное, по телефону о таком нельзя, ведь про инструкции Макароновна отлично знает, а по голосу чувствовалось, что дело серьезное, но при чем тут Виктор? Людмила глянула на невыгруженный мешок с деньгами, – да за пять минут ничего, поди, не случится. Кассирша лишь захлопнула распахнутый сейф, схватила ключи и выскочила за дверь. Закрыла оба замка и быстро-быстро пошла в кабинет начальницы. Ну, если это опять шутка, как с тем старым педиком, то она обязательно пожалуется Виктору. Боже мой, что же могло с Витюшей случиться?

Людмила досеменила до кабинета, распахнула дверь, и, когда занесла ногу над порогом, из-за косяка вытянулась рука, схватила ее за платье и втащила внутрь.

– А-а-а! – взвизгнула Людмила.

– Заткнись! – сказал мужской голос в ухо, дверь за спиной захлопнулась, щелкнул замок. Антонина Макаровна сидела в своем кресле, а за его высокой спинкой торчала мужская голова. Больше Людмила ничего не разглядела, человек сзади повернул ее лицом к стене.

– Что случилось? – вымолвила Людмила.

– Кассирша, а что случилось, не знает! – заржал грубый голос. – Деньги в кассе завелись!

– Что с моим мужем? Антонина Макаровна, что случилось с Виктором?

Макароновна не ответила, а схвативший Людмилу парень сновадохнул в ухо.

– Ты не про мужиков, ты лучше о себе подумай! И про начальницу свою.

– Что вы делаете! – взвизгнула вдруг главбухша.

– Молчи, дура, – внушительно произнес «ее» налетчик, – от веревки твоя честь не пострадает.

Людмила хотела было повернуться, но шея будто одеревенела.

– Жить хочешь? – спросил бандит за спиной.

– Да...

– Это хорошо. Тогда слушай сюда! Сейчас – не дергайся – я приклею тебе на грудь мину. – Мужская рука полезла из-за плеча в декольте, Людмила инстинктивно отшатнулась. – Не шевелись, я сказал! – Рука продолжила свой путь, обогнула бюстгальтер поверху, остановилась под левой грудью и вдавила что-то в тело. Рука выскользнула, а у сердца осталась холодная пластина.

– Это маленькая мина, – пояснил бандит, гад, сволочь, – но на тебя хватит. Поведешь себя неправильно – мина взорвется, стоит нам только нажать на кнопку, поняла?

Людмилу опять схватил столбняк.

– Поняла, спрашиваю? – Парень тряхнул ее за плечи.

– Да-да, поняла, – поспешно сказала Люда, испугавшись,

что мина взорвется от сотрясения – так в кино бывает.

– Ну вот, полдела сделано, а сейчас пойдем в закрома!

– Куда? – не поняла она.

– Совсем со страху очумела! В кассу пойдем, за бабульками.

– Я не могу, – в ужасе прошептала Людмила, – вдруг она взорвется, – кивнула кассирша на свою грудь.

– Ты меня слушайся, тогда не взорвется, – посоветовал грабитель. – Кстати, не забудь, что на той же кнопке висит и жизнь твоей начальницы. Если что – взрывами обеих пополам порвет, только скажите слово или сделайте лишнее движение.

– Людмилочка, – просипела Макароновна, – пожалуйста, сделай, как они хотят, хотя бы ради собственной жизни.

Одно хорошо, поняла Людмила: с Витюшей все в порядке, а значит, и с ней все закончится хорошо, муж ее спасет.

– Ну что, идем в закрома?

2

Любовь их начиналась необыкновенно! То есть со стороны, может, такая история и не покажется особенной, но то, что она переживала...

Во-первых, Виктор необыкновенно на нее смотрел: внимательно, но деликатно, словно боялся обидеть. Так смотреть умеют только люди его поколения. То есть нельзя ска-

зять, что Витюша пожилой, вовсе нет, он выглядит очень хорошо, но разница в возрасте есть. Ну и что тут такого? Это нормально, когда женщина моложе мужчины, вот наоборот – это скорее аномалия, хотя в наше время все стало в порядке вещей... Вот, значит, смотрел он долго: то в коридоре, то в буфете, а чаще через окошечко кассы – Виктор, как все сотрудники, получал у нее зарплату. Точнее, не как все, потому что часто деньги получали сразу на лабораторию или кафедру, поскольку сотрудников в институте несколько тысяч и один кассир выдавал бы зарплату целую неделю. А ректорату, кстати, деньги приносит один из бухгалтеров, готовые, в конверте. Правильно, ведь не будет же Игорь Кириллович время в очереди терять, у него других дел поважнее полно. А вот Виктор Денисович всегда сам приходил в кассу – и когда профессором профилирующей кафедры был, и когда его проректором выбрали. Он так долго ходил-поглядывал, что по институту уже слухи отгремели, а у них ничего еще не началось. Людмила даже волноваться стала: вдруг ничего и не будет? Но однажды особенно долго задерживали зарплату, а буфет она не посещала, и Виктор не выдержал, пришел просто так. «Здравствуйте, Людмила, – сказал. – Вы меня не знаете, а я давно за вами наблюдаю... вернее, люблюсь. Вы мне одного человека напоминаете...» Оказалось потом, что если Люде косу отпустить, то получится один в один его первая любовь. Людмила сначала обиделась, что он не ее любит, а какую-то Варю, но, узнав, что было это чувство в шестна-

дцать лет и завершилось оно совершенно платонически, она уже не обижалась. Мало ли что было, да давно быльем поросло. Зато теперь Виктор Денисович любил только ее. Придет, сунется в окошко и отвлекает от работы. А через неделю в кино пригласил. Там тоже вышла история.

Виктор Денисович давным-давно в кино не ходил, забыл совсем, что сейчас время-то другое, и купил билеты в предпоследний ряд. Забрались они туда с Людмилой, а вокруг тинейджеры всякие с пивом, галдят, ругаются. Виктору Денисовичу перед дамой неудобно, он не посмотрел, что их больше. Прекратите, говорит, сквернословить, или я сейчас милицию позову! Кто-то ему сзади по голове и стукнул. Не больно, пояснил потом Виктор, правда, пришлось после сеанса шапку под сиденьями искать. Виктор Денисович так бы дело не оставил, да его Людмила удержала, вот он какой смелый!

Потом и рестораны были и театры, но тот первый поход в кино Людмила никогда не забудет. Никто так за ней не ухаживал, никто так не заботился, чтобы ей было удобно, никто не смотрел на нее с таким восхищением. Все ее мужчины, мальчишки, по сути, были наглými, глупыми и невоспитанными по сравнению с Виктором Денисовичем. Да и были они давно в прошлом, после учебы в техникуме. С тех пор Людмила в мужчинах разочаровалась, а наладить семейную жизнь почти и не мечтала.

Вот честно, как на духу, что бы в институте о ней не суда-

чили (когда стал ухаживать Виктор), она тоже ни о чем таком не думала. Решила, что раз уж с семьей не вышло, так пусть хоть так она кусочек своего счастья получит. А Виктор Денисович, солидный человек, был, конечно, женат и не скрывал этого. Да и как скроешь, ведь институт словно большая деревня, недаром слухи об их отношениях начались еще раньше самих отношений. Знала Людмила о его семье: о жене, о взрослом уже сыне, но вмешиваться в их жизнь не собиралась и очень боялась, что слухи доползут до жены Марины. Хорошо, что она работала в другой организации, а сын, по словам Виктора Денисовича, был занят своими компьютерными играми и ничего вокруг не замечал. Любовница так любовница, решила Людмила, дело же не в названии, а в том, как люди относятся друг к другу. Встречались они два раза в неделю, обычно по вторникам и четвергам. «Рыбка моя!» – называл ее Виктор, а она понять не могла: в честь рыбных дней, что ли? Но Виктор Денисович человек чуткий, быстро прозвище сменил на Мышку. Да она бы и Рыбку потерпела, потому что главное – это чувства.

Но однажды пятничным вечером в маленькой уютной квартирке Людмилы раздался звонок. Она посмотрела в глазок, распахнула дверь – на пороге стоял Виктор Денисович, Витюша! А в руках он держал два чемодана.

– Я пришел к тебе... навсегда, – произнес неожиданный дорогой гость. – Пустишь?

Людмила чуть в обморок не грохнулась от счастья, при-

пала к косяку, сказала:

– Как долго я тебя ждала...

Ну не столько ждала, сколько надеялась. Главное – что дождалась, что он пришел. И опять Виктор поразил ее своей смелостью и решительностью, мало кто может вот так оставить прошлую жизнь и начать новую.

Людмила была счастлива и на волне этого счастья даже пожалела Марину, а Витюша вдруг резко сказал, что бывшая жена сама виновата. Люда спорить не стала, ему видней, но предложила познакомиться с его сыном Сергеем.

– Если хочешь, – сухо сказал Виктор Денисович.

Странно, что такой тонкий человек не стремится наладить хорошие отношения между близкими ему людьми. Людмила все-таки позвонила Сереже и назначила ему встречу в кафе «Лира». Он пришел, но доверительного разговора не получилось, Сергей говорил очень грубо, а потом вообще обозвал ее «шлюхой». Люда в очередной раз убедилась, что Виктор был прав, сын у него какой-то некоммуникабельный, а ведь она хотела с ним подружиться, наладить отношения. А получилось наоборот, нарвалась на оскорбление, расплакалась. Витюша заметил красные глаза, заставил ее признаться, разозлился, заходил по квартире, много курил. Людмила уговорила его сына не ругать, парень просто обижен за мать, это же ясно. Виктор обещал быть сдержанным, но, видимо, он все-таки с сыном поговорил, потому что после Сергей позвонил и извинился. Больше она попыток общаться с ним не

делала. Тем более, что скоро ей стало не до этого, появились новые заботы.

Они с Виктором поженились, церемония была скромная, но очень респектабельная, как определил муж. Прошло немного времени, и Виктор сумел получить новую квартиру, правда, пришлось за это отдать ее прежнее жилье. Зато новое было в институтском доме, с иголочки, просторное, светлое. Людмила с упоением занялась устройством семейного гнездышка, она даже и представить не могла, как это приятно. Виктор говорил, что он всю жизнь жил скромно и теперь имеет право немного пошиковать. В тратах он Людмилу почти не ограничивал, и она все свободное время посвящала подбору обоев и штор, покупке мебели, кухонной утвари, всяких миксеров и соковыжималок. А отдельно по выходным они вдвоем ездили смотреть телевизоры, музыкальные центры, микроволновки, плиты и прочие нужные вещи. Виктор при этом был скрупулезен и придиричив, с продавцами разговаривал, словно экзамен у своих студентов принимал. И правильно, соглашалась с ним Людмила, не хватало еще свои деньги тратить на какую-нибудь дрянь!

Радостные хлопоты – это все равно хлопоты, и у Витюши обострился ревматизм. Кто бы мог подумать, что такой бравый мужчина мучается старческой (так казалось раньше Люде) болезнью. Это испытание Людмила переносила с каким-то даже удовольствием, ей нравилось ухаживать за мужем, натирать ему спину пахучими мазями, кутать в теплый

плед, заваривать травяные сборы. От ее заботы Виктор даже немного размяк и стал капризничать, но ведь это вполне понятная слабость? У других мужчин есть привычки и похуже, да и Витюша скоро выздоровел, стал снова бодрым, веселым. Настолько, что как-то Людмила увидела его в институтском буфете с одной аспиранткой. Нет-нет, они хоть и играли глазами, но вели себя вполне прилично, а Люду это почему-то задело. Она сначала разозлилась, но потом подошла к зеркалу, критически посмотрела и решила, что виновата сама. Жена должна не только за мужем ухаживать, но и за собой следить. Теперь понятно, почему Виктор не спешил вводить ее в круг жен своих сослуживцев.

Людмила стала постигать трудную науку: фитнес, визаж, макияж, этикет и прочее. Хорошо, что теперь есть куда пойти и по любым вопросам проконсультироваться. Люда приложила много усилий, но они того стоили: у Виктора вновь появился тот блеск в глазах, который она заметила на самом первом свидании в кино. Он стал больше уделять ей внимания, и в интимной жизни, если так можно сказать, стал активнее. Когда Виктор наконец перезнакомил ее с коллегами и начальством, она поняла, что стала «на уровне». Постепенно она в этом кругу освоилась и даже осмелела настолько, что стала давать мелкие советы Антонине Макаровне.

Честно говоря, все усилия Людмила прилагала не ради себя, а чтобы всегда быть рядом с мужем. Ее саму вполне устраивала компания девчонок из бухгалтерии или таких

парней, как Леня. Он хоть чуть ее моложе, но человек серьезный и никаких оскорбительных шалостей себе никогда не позволит. И бухгалтерши не задирают перед ней нос, как Макароновна, или, к примеру, ректорша. Понятно, что Людмила закончила только техникум, у нее нет высшего образования, но она достаточно насмотрелась на то, как учатся дети и племянники местного начальства, как валяет дурака эта «золотая молодежь». Ведь все знакомые светские дамы получили и образование, и положение, можно сказать, по благу, а на нее смотрят, как на выскочку. Корчат из себя, словно все они какой-то особенной голубой крови, но, в конце концов, у нас давным-давно бесклассовое общество. Или нет? Так что нечего кичиться тем, что им повезло в нужной семье родиться, заслуги в этом никакой, как они не понимают? Людмиле тоже повезло, но по-другому, просто ее любил хороший человек. Этому можно только радоваться, можно считать себя достойной такой любви, но корчить из себя принцессу... И Виктор всегда был против чванства, потому и Людмилу оставил на прежней должности, и сына определил не под свое крыло, а в другой институт. Помогать он Сергею помогает, а вот опекать не собирается. Строго пусть, но справедливо. Если у Людмилы когда-нибудь будет ребенок (возраст у нее подходящий, но вот муж пока против), то она станет воспитывать его также справедливо, но строго. Зря Витюша говорит, что стар заводить детей, это не так, но все от его щепетильности и чувства ответственности. Дети все-

таки нужны, считала Людмила и надеялась, что еще сможет Виктора Денисовича переубедить. Ведь кто, как не дети, позаботятся о них в старости, стакан воды подадут...

3

По крайней мере, она так думала до того, как в день полудни вошла в кабинет главного бухгалтера. Почувствовав у себя под грудью мину, она вдруг осознала, что жизнь ее может оборваться в любой момент. Строить планы и думать о пресловутом стакане воды вдруг показалось ей бессмысленным и даже смешным. Людмила действительно чуть не рассмеелась, но сумела удержаться. Инстинктивно она чувствовала, что лучше налетчиков не раздражать.

– Сейчас мы втроем идем в кассу. Ты спокойно открываешь дверь и пропускаешь нас внутрь. Сделаешь все правильно – останешься жива и невредима. Если попытаешься подать кому-нибудь сигнал, взорвешься на месте, помни, что нам достаточно нажать кнопку... Пшла! – толкнул ее сзади ближайший бандит.

Он вытолкнул ее за дверь, оглядел коридор и сделал знак второму. Подельник вышел следом за ними и тщательно запер дверь кабинета.

– Идем, – тихо приказал он, и Людмила с другим бандитом подчинились.

Кассирша шла впереди, а двое парней в пятнистой форме

без знаков различия на полшага сзади. Они прошли по коридору, спустились по лестнице на первый этаж, приблизились к дверям кассы, около которых уже собралась приличная очередь. Попробовать заорать? Людмила покосилась на крепкие мужские фигуры за спиной. Если их и поймают, то неизвестно, скольких людей они успеют ранить. Зато можно сказать наверняка, что нажать кнопку им времени хватит.

– Людмила, ну ты скоро нас пропустишь? – вдруг спросил ее Леня Клоков, который все еще болтался тут вместе со вторым охранником Метлиным. Если она крикнет, то следующими за ней с Макароновой жертвами станут они.

– Скоро, – сухо сказала Людмила, обошла очередь, открыла дверь ключом и пригласила бандитов, – проходите!

– Только после вас! – галантно сказал главный налетчик и аккуратно, но твердо завел кассиршу внутрь. Второй зашел следом и сразу закрыл дверь на замок. – Деньги где?

– В сейфе, – кивнула Людмила.

– Ключ?

– Он не заперт.

– Ого! – невольно воскликнул бандит, который цеплял ей мину.

– Это не все, где остальное?

– В мешке. Я распаковать не успела.

– Вот и славно, – ухмыльнулся главный. – Я соберу деньги, а ты займись дамой.

– Садись! – приказал второй.

Людмила села на свой рабочий стул, налетчик завел ее руки за спину и больно, со всей силы, перетянул веревкой. Затем другой веревкой примотал туловище к спинке стула, а рот залепил пластырем. Все это он провернул так быстро, словно всю жизнь только и делал, что связывал людей.

– Сиди смирно пятнадцать минут, не дергайся, – прошипел связавший ее бандит в ухо. – Иначе снова встретимся. Я готов!

– Я – почти, – отозвался главарь от сейфа, и тут же послышался звон катящейся монеты. – Тьфу, черт!

– Орел! – тут же загадал второй налетчик, видно полный отморозок. – Мне везет?

– Да хрен его знает, тут не деньги, а медали какие-то. – Главный сунул беглую медаль в карман. – Все, готово!

Бандиты взяли по сумке, приосанились, щелкнули замком и вышли за дверь. Людмила почувствовала, как по ее щекам потекли горячие слезы, в которых смешались страх, обида и невозможность заорать во все горло, чтобы выплеснуть свой ужас.

В это время Антонина Макаровна сумела ослабить узел и почти освободила одну руку...

Глава четвертая

Сергей

1

Сергей дотянул сигарету до фильтра, по привычке хотел бросить в окно машины, но вовремя спохватился. Раздавил окурочек в переполненной пепельнице и закрыл ее, чтоб не во-няла. Это ж надо, сколько он успел за двадцать минут нажечь сигарет!

Сергей глянул на часы: нет, всего за пятнадцать! Время ползло еле-еле, а сигареты из новой пачки уже заканчивались. Что же они там возятся?

Значит, надо, обрывал себя Сергей, зажигая новую сигарету от прикуривателя. Забавно, прикуриватель он не глядя достает, а пепельницу в родной «тойоте» минут десять искал, пока ему Валерка не подсказал. Гад он все-таки, Валерка. Мог бы сразу помочь, а он специально смотрел, как Сергей мается, ищет, выполняя приказ Артура. Ну не знал он, где пепельница, ну и что? Где она нужна: когда лавируешь между чайниками или когда мчишься по трассе? Гораздо проще выкидывать окурки в окно, да так все обычно и делают. Ну, может, только один папаша бычки в салоне складывает, так

что с него взять, всю жизнь корчит из себя что-то – интеллигент в третьем поколении. И в последнем, потому что Серега на папашу никак походить не хочет.

Машина перед крыльцом, из которой то и дело выбрасывают окурки, подозрительна, это Сергей и сам понимает, еще какой-нибудь случайный блюститель порядка докопается. Хотя что окурки, его «тойота» уже и так пятнадцать минут отсвечивает перед институтом, мимо сотни людей снуют, наверняка кто-то внимание обратил. Главное, чтоб его физию не запомнили, а машина для постороннего человека лица не имеет, по царапинам ее только хозяин узнать может. Одна важная примета – номера, но их поменяли, Валерка где-то скрутил. «Все нормалек, – говорит, – их неделю еще никто не хватится». Приходится верить на слово, впрочем, Сергея Валера обмануть еще может, а Артура он ни за что не подведет. Артур – он такой человек... вроде и свой в доску, а, с другой стороны, как генерал, попробуй против него что-нибудь скажи... Желающих нет, но не из боязни, а потому что они трое – друзья, и дружба эта на вечные времена.

Они почти все свободное время проводят втроем. Что-то, а развлекаться они умеют: ходят на футбольные и хоккейные матчи, однажды на ипподром ездили, и Артур даже придумал, как можно выиграть гандикап, да что-то там сорвалось. В казино тоже играли, но там для серьезной игры нужен хороший стартовый капитал, а у них столько денег нет.

Артур, например, учится в медицинском и подрабатывает дежурствами в морге. Но это так, не ради денег, а скорее из куража. Сам Сергей нипочем бы с покойниками на ночь не остался, а Артур даже как-то там пульку расписывал: «Мне там везет, у них рука легкая». Играл он с такими же, как он, студентами-медиками, а Сергей не пошел, нет. И Валера, кстати, тоже свалил, потому что его девушка в этот вечер одна дома оставалась. Понятно, что такой шанс упускать нельзя, но покойники тут тоже свою роль сыграли, Сергей уверен. Хоть Валерка и бывал у Артура на работе, однако никогда там надолго не задерживался. А стоит ему об этом сказать, как сразу вспыхивает. Артур в их споры никогда не вмешивался, лишь шурился, да покуривал сигаретку.

Закурить, что ли, еще? Сергей, несмотря на устойчивый кисло-металлический привкус во рту, снова закурил.

Артур часто так шурился, и не поймешь, чего он разглядывает в тебе. Вроде как изучает, а чего изучать – они и так друзья, и все друг про друга знают. Но Артур свой парень, скорый на выдумку так же, как Валерка скор на язык. Тот часто говорит быстрее, чем думает, отчего получается глупо и смешно. Он, Валерка, только что закончил автодорожный колледж и стал работать в автосервисе. Уже воображает себя большим спецом, чуть что – в мотор лезет, теребит там что-то. Сергей ему «тойоту» не доверяет, так Валерка злится. Пусть сначала свою машину займее, тогда и делает с ней, что хочет. Сергею она, может, подороже, чем другим, доста-

лась, хоть он сам денег на нее не зарабатывал. Ладно, что там переживать, как мать говорит: «С драной овцы – хоть шерсти клок». Ничего, мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним...

Сергей посмотрел на часы – уже двадцать три минуты!

Главное сейчас, чтоб все хорошо получилось, чтобы план сработал. Артур такой классный план придумал, прям «Крепкий орешек»! В натуре, Сергей такое только в кино видел. А Артур говорит: «Что нам Голливуд, у нас тут Нью-Чикаго!» Это в том смысле, что Новосибирск сравнивали с Чикаго, мог, город круче некуда. А Артур говорит, что они сделают его еще круче. Сергей ему верит, потому что Артур что говорит, то и получается. Раз Артур план придумал, то он не сорвется, Валера тоже в это верит, поэтому безоговорочно пошел на дело. Сергей бы и сам мог, но ему нельзя, узнать могут. Даже наверняка узнают, с этим не поспоришь, поэтому-то он и сидит тут полчаса, выкуривая пачку «Мальборо» словно соревнуется на скорость.

Наконец на крыльце мелькнула пятнистая форма. Идут! Сергею очень хотелось броситься на помощь, но он лишь бросил сигарету (в окно!) и судорожным движением завел мотор. Артур и Валера шли, словно на прогулке, если с собой на прогулки берут тяжелые брезентовые мешки. Их никто не останавливал и не преследовал. Друзья подошли к машине, Сергей распахнул дверку. Валера первым забросил мешок в салон, затем Артур втолкнул свой и, не оглядываясь, нырнул

следом.

– Давай! Давай, гони! – выкрикнул Валера.

– Мы это сделали! Yes! – воскликнул Артур.

Сергею показалось, что на крыльце среди людей мелькнуло очень знакомое лицо. Неужто – он?

Валера сдавленным шепотом заорал: «Вау!» – заколотил по мешкам ладонями и запрыгал на сиденье, почти ударяясь макушкой в крышу. В салоне с мешками было тесно, но он этого не замечал. Артур оглядывался то на крыльцо, то на узкие институтские ворота. Сергей газанул, развернул машину и, непрерывно давя на газ, выехал на улицу.

– Спокойней, Серега, нам недалеко, не хватало еще здесь в ДТП въехать, – заметил Артур.

– Не бойсь, прорвемся! – пробормотал водила.

– Ты сам не бойсь, – заметил Валера, – и сойди со встречной полосы.

– Отвали, – огрызнулся Сергей.

– Сейчас направо, – спокойно скомандовал Артур. – К моргу.

– Круто! – заржал Валера. – Вот это финт! Устроим мотильник, как «Несчастный случай»!

– У тебя сигареты остались? – спросил Артур водителя.

Сергей протянул через плечо почти пустую пачку.

– Мне показалось...

– Ну?

– Кажется, на крыльце института мелькнул мой папаш-

На матч «Чкаловец» – «Шахтер» Сергей должен был пойти с приятелем Лехой. Вообще-то раньше компашка у них была человек десять, но как-то сама собой она развалилась: трое ушли в армию, двое залетели в тюрьму за то, что с девчонки золотые сережки сняли, один умник уехал учиться в Екатеринбург, пропал, можно сказать, человек, как и еще двое братьев, поменявших травку на героин. Была компания, да сплыла.

Леги дома не оказалось, а его мать захлопнула перед соседней дверью, не сказав даже, где можно найти ее сына. А может, и сама того не знала. Сергей обошел пару ближайших пивных точек, но Лега, видно, уже нажрался и валяется на какой-нибудь хате с красными белками и пеной на губах. Вроде не припадочный, а в беспамятстве всегда из него пена лезет, словно он не водяру, а шампунь пьет. Серега плюнул на поиски этого придурка, взял пива и отправился на стадион.

Наши играли с командой из Прокопьевска, и это давало им определенные шансы на победу, хотя в последнее время «Чкаловец», несмотря на расклады спортивных комментаторов, практически все матчи проигрывал, вплотную приближаясь к званию заслуженной дворовой команды. Благодаря

этому билеты без проблем можно купить перед матчем, а, значит, лишний лехин билет больше, чем за полцены, не продать. Сергей постоял несколько минут у кассы, нашел клиента и с легким сердцем вошел на стадион.

Трибуны заполнены больше, чем наполовину – болельщики, значит, поверили в прогнозы неутомимых комментаторов, а может, просто погода хорошая. Серега нашел местечко на любимой трибуне (не только его любимой – народу тут всегда полно), открыл пиво и скоротал первой бутылкой минуты перед матчем, выход игроков, треп диктора и первый голевой момент. Когда Сергей достал из обширного кармана куртки вторую бутылку, рядом с ним возникли двое парней.

– Браток, подвинься, пожалуйста, нам с другом на камчатке не в кайф зырить.

Тот, что говорил – курносый блондин, рот до ушей, – лыбился вполне доброжелательно, так что Сергей никакого напряжения не почувствовал. Ему не жалко, он пододвинулся, давая место пришельцам.

– Воротчик, мяч справа! – заорал блондинчик, не успев присесть. – Не зевай!

– Валера, не замай, йогурт стынет! – непонятно окликнул его второй кент, горбоносый брюнет лет двадцати, с черными глазами и чуть скуластым лицом.

– Ты, Артурчик, выигрывать любишь, а я наблюдаю процесс. Тьфу, черт, опять твоя очередь!

Странный у них базар, Сергей отвлекся от игры, наполо-

вину непонятно говорят. Внешне обычные пацаны, хотя нет, есть в них что-то от того отличника, что в Екатеринбург свалил.

Валера сел, достал из-за пазухи чуть початую бутылку водки, а Артур вынул два пластиковых стаканчика.

– Дразнишься? – с укором произнес Валера.

– Отнюдь нет, – с деланой серьезностью сказал Артур. – Это тебе за тонкость наблюдения. Я выигрывать люблю!

Валера налил, они выпили, а Сергей отвернулся еще раньше. Пьют пацаны, чего мешать, таращиться.

Наши атаковали вяло, словно перед игрой объелись, а прокопчане шли вперед, будто завтрак пропустили и на обед еще не заработали. Сергей болел за своих, вскакивал, свистел и матерился, кричал: «“Чекалда” – чемпион!», однако это не слишком помогало. Соседи его болели тоже активно и громко, но за кого – Сергей не понял. Хорошие парни, веселые, вот только пьют не как все, разом, а по очереди. И даже не по очереди, а по какой-то системе, потому что Артуру наливают чаще, видно, он выигрывает. Как «шахтеры» – 2:1, вдруг сообразил Сергей.

– Браток, закурить не найдется? – снова обратился к нему блондин Валера.

Сергей повернулся, достал пачку и угостил соседей.

– Ты ведь за наших болеешь? – спросил Валера и, не дожидаясь ответа, предложил: – Выпьешь с нами?

– Я вроде пиво...

– Да ладно, крепче ляжет, – подмигнул сосед и протянул стаканчик. – Давай по-быстрому, а то я свой момент пропущу!

Валера выпил.

– Какой момент?

– Игровой.

– Я не понял, вы во что играете?

– Да в футбол, браток, в футбол! – ухмыльнулся Валера. – Понимаешь, я выпиваю, только когда по вражеским воротам бьют наши, а мой друг – когда по воротам бьют эти вот, из Прокопьевска.

– Меня зовут Артур, – повернулся к Сереге второй сосед. – А тебя?

– Сергей.

– А я – Валера, – представился первый, которого он уже запомнил.

– Валера проигрывает, – пояснил Артур, – получается неровный счет, вот он и злится. Если хочешь, можешь составить ему компанию, будете вдвоем пить за «Чкаловца». Хотя вряд ли это ему поможет.

– А ты болеешь за «Шахтер»?

– Нет, просто так веселее. Иначе эти доходяги совсем нас достанут. Во, смотри, опять моя очередь пить!

– Тогда я вас пивом угощу, – Сергей достал последнюю, припасенную на второй тайм бутылку.

Водка кончилась, та же судьба постигла и пиво, а игра тя-

нулась, и счет стал уже 4: 1.

– Вот спиногрызы, блин! – ругнулся Валера, заглядывая в пустую бутылку.

– Не твой момент, – заметил Артур.

– Да все равно, достали меня эти гады, им бы спортивной ходьбой заниматься, а не в футбол играть!

– Ты не справедлив, Валера, для бойцов варикозного отделения из чахоточного центра они очень неплохи. Любую инвалидную команду они порвут, как печенюшку.

– Сделать бы им темную! – в сердцах сказал Сергей.

– Этому препятствует большая продолжительность светового дня, – философски заметил Артур.

А Валера не выдержал и запустил бутылкой в поле, но ни одного футболиста, ни вражеского, ни своего, который еще хуже, он не поразил.

– Мало водки взяли.

– Так давайте продолжим? – предложил Сергей, вспомнив, что у него есть мелочь от продажи билета.

Валера пожал плечами.

– Всегда, блин, готов.

– Давай, – принял решение Артур. – Пойдем ко мне, пока предки на даче.

Квартира Артура оказалась в Центральном районе, а дом был обычный, хрущевский, близнец Серегиного. В ближайшем продуктовом друзья купили литр водки, полкило колбасы, кабачковую икру и тоник «Швепс».

– У меня такое ощущение, что в местные лимонады добавляют чернил, – откручивая пластиковую пробку, прокомментировал последнюю покупку Артур. – В тоник для горького вкуса, а в остальные – для цвета.

– Артурчик у нас гурман, – сказал Валера. – Он и водку пьет только на спирте «Люкс».

– Зато ты, как малолетний шимпанзе, тащишь в рот всякую пакость, – отозвался друг. – Пепел «Огуречного лосьона» стучит в моем сердце.

– Лосьон разве горит? – спросил Сергей.

– Горит. В основном по утрам, в колосниках! – заржал Валера.

Сергей чуть было не обиделся, так и хотелось врезать по ухмыляющейся роже нового знакомого. Чего он все ржет и никогда не ясно: над ним или нет?

– Серега, твое предложение насчет темной, – вспомнил вдруг Артур, – предложение правильное, вот только не хватает нам смелых парней его осуществить.

– Поддерживаю предложение! – сказал Валера, хотя на самом деле уже поддерживал полный стакан. – Летом темную футболистам, зимой – хоккеистам. Те тоже совсем мышей не ловят, скатились во вторую лигу.

– Вот именно! – Сергей взял свой стакан.

– Выпьем за нашу окончательную победу! – произнес Артур.

– Все-таки «чкаловцы» гады, – заметил Валера, закусывая

«Докторской». – Они не только всем настроение портят, они еще моего друга спаивают! Ведь это же невозможное дело, насколько ему пришлось больше водки выпить, чем мне... чем нам с Сергеем.

– Завидуешь? – прищурился Артур.

– От такого боления можно белой горячкой заболеть. А мне... то есть нам с братком даже забалдеть не с чего! Счет, ладно, счет – хрен с ним, не повезло, но по воротам нападающие бить обязаны!

– Или пусть уходят в защитники! – кивнул Сергей.

– Не могли наскрести игроков на одну хорошую команду – сделали две плохие. На фига, спрашивается? – пожал плечами Артур.

– Да я бы этих тренеров с директорами... – Валера стукнул по столешнице так, что стаканы подпрыгнули, а бутылки опасно закачались.

– А давайте, правда, – темную! – повторил Сергей.

Артур ничего не успел ответить, его перебил дверной звонок. Он вышел в коридор и глянул в глазок – никого. Пошел обратно, но вдруг за дверью раздался женский крик:

– ...Скорее! Помогите! Боже мой! Приезжайте сейчас! У меня авария, вода хлещет!.. Какая заявка? Да вы очумели, я же всех соседей затоплю!.. Господи, боже мой! Я же говорю – прорвало где-то, вода льет!

Артур догадался, что это соседка говорит на площадке по радиотелефону, и открыл дверь.

– Что у вас случилось, Анна Харламовна?

– Ой, как хорошо, Артур, что ты дома! Несчастье у меня – трубу прорвало, наверное, вода по ванной так и хлещет, в комнаты течет! А у меня же евроремонт, мебель старинная, на полу – ковер персидский!

– Вода горячая?

– Слава богу, холодная, но так льет!

– Минутку. – Артур вернулся в комнату. – Валерка, у соседки трубу прорвало.

– У той, у хорошенькой?

– Нет, у Хамовны.

– Это которая карга-полковница? – встрепенулся Валера.

– Ага! Которая нас всегда в подъезде ловила и по мозгам моралью ездила, а червонец занять не хотела.

– Так мы ей сейчас поможем, – подмигнул Валера, потирая руки. – Из антиквариата переправу сделаем.

Артур наклонился к его уху и что-то сказал.

– Вам помочь? – спросил Сергей. – Я могу.

– Пошли, Серый! – пригласил Валера. – На шухере постоишь.

– Да нет, Серега, все нормально, – похлопал его по плечу Артур. – Ты в сантехнике чего-нибудь понимаешь?

– Ну, так... более-менее.

– Тогда идем.

Друзья зашли в соседнюю квартиру, где ковровая дорожка в коридоре уже плавала, а хозяйка металась из ванны в

комнату и по-прежнему орала в телефонную трубку, вызывая теперь уже спасателей.

– Ой, мальчики! Как я рада вас видеть! Артур, как хорошо, что я застала тебя с друзьями! – от Анны Харламовны, заметил Сергей, пахнуло вермутом.

– Сейчас мы все сделаем, – пообещал Валера. – Где течь? В кормовом отсеке?

– Нет, не на кухне, а в ванной, смотрите, как льет. – Анна Харламовна показала на свои ноги, обутые в зимние сапоги и погруженные по щиколотку в воду. – Персидский ковер уже потемнел!

Хозяйка завела парней в ванную, где вода хлестала прямо из стены под раковиной.

– Вот ведь несчастье! Если можете, то перекройте воду!

– Серега, глянь, – распорядился Артур. – Валера, а ты посмотри, что можно сделать с ковром.

– Ага. – Валера из ванной испарился.

Хозяйка продолжала причитать и пахнуть. Сергей полез под раковину, огляделся. Артур наклонился следом.

– Ну, как?

– Пара пустяков. Тут шланг...

– Ничего пока не делай, я скажу, когда надо.

– А чего?..

– Так надо. – Артур разогнулся. – Придется повозиться.

– Я сейчас инструмент с кухни принесу, – сказала Анна Харламовна.

– Я вам помогу, – предложил Артур и, неловко повернувшись, сшиб эмалированный таз, который загремел по полу, несмотря на слой воды. – Ой, извините!

– Будь, пожалуйста, повнимательней, Артурчик! У меня тут плитка новая и эмаль, между прочим, отбиться может.

– Постараюсь, Анна Харламовна. – Артур похлопал Сергея по плечу.

Он с хозяйкой вышел, а Сергей на всякий случай шланг, из которого лилась вода, направил в ванную. На самом деле, авария была смешная – отсоединился шланг, подающий воду в автоматическую стиралку, можно исправить, но Артур сказал зачем-то подождать.

В ванную вернулся Валера, спросил громко: «Ну что там?» – потом подвинулся ближе.

– А где фонтан? Серега, ты что делаешь? – Валера заметил шланг в ванной. – Брось его и, если можешь, добавь горячей водички. Артур просил.

– Зачем?

– Можешь?

– Ну, могу.

– Давай!

Сергей отсоединил второй шланг.

– А-а-а! – заорал Валера. – Анна! Харламовна! Смотрите!

В ванную, заполнявшуюся паром, влетела хозяйка. За ней появился Артур, а Валера, наоборот, исчез.

– Что случилось?!

– Боже мой! Тут же плитка свежая, три дня как положили!

– Обязательно отлетит! – воскликнул Артур. – Анна Харламовна, скорее надо убирать воду!

Хозяйка схватила тряпку и стала возить ею по полу. Артур потянул Сергея к себе, шепнул:

– Иди, помоги Валерке, а я ее тут подержу.

Артур выпихнул приятеля из ванной, а сам принялся се-товать и разбрызгивать воду. Сергей вышел в коридор и уви-дел Валерку, волочащего здоровенный аквариум с мятущи-мися рыбками.

– Помоги! – сдавленно выдохнул Валерка. Серега понял, что сейчас не до расспросов и поспешил на помощь. Они быстро протащили груз мимо ванной, вход в которую ста-рательно перегораживала спина Артура, миновали коридор, вышли за дверь и ввалились в соседнюю квартиру.

– Куда?

Валера кивнул на стол в гостиной, где закуска оккупиро-вала лишь один край, а большая часть столешницы остава-лась свободной. Водрузив аквариум, Валерка повалился на диван и, по обыкновению, заржал.

– Ой, не могу! Ну, умора!

– Мне Артур сказал вернуться.

Новый приятель смог в ответ только махнуть рукой. Сер-гей вышел снова на площадку, где столкнулся с Артуром.

– Все, концерт для шлангов и соло на тряпке окончен. – Приятель развернул Сергея назад. – Там спасатели явились.

Зайдя в комнату, Артур глянул на аквариум, на закатывающегося Валерку, повалился рядом и захохотал сам. Сергей вошел следом, посмотрел на веселящихся друзей, потом на мечущихся рыбок и сам рассмеялся. Напряжение, появившееся еще на стадионе, спало.

– Классно! – орал Валерка. – Мы это сделали!

– А на фиг? – между приступами смеха выдавил из себя Сергей.

– Понимаешь, – сказал Артур, – она, тетка эта, – сквалыга, с детства нас к этому аквариуму не подпускала, боялась, что мы навредим ее чебакам. И мы поклялись лет десять назад, что отомстим. А тут такое стечение.

– Течение! Протечение! – Валерку хвалил новый приступ. – Давайте... давайте их зажарим?

– Или по Жванецкому: «Он добавил лук, картошку, соль и поставил аквариум на огонь».

– Воды многовато, – серьезно произнес Сергей, чем вызвал очередную волну хохота.

Артур сел и достал сигареты.

– Как же она меня доставала! До сих пор забыть не могу.

– А вдруг она на нас наедет? – спросил Сергей. – Аквариум ведь не иголка.

– Не ссы, браток, мы там пару банок разбили и несколько килек по персидскому ковру размазали. – Валера тоже сел. – Ну вот, теперь можно и выпить! За победу над Хамовной!

– Водку не хочу, – скривился Артур.

– Вот те раз! Мусье граф, так ведь разносолов не припасено, – развел руками Валерка.

Артур достал из кармана купюру.

– Серега, не в службу, а в дружбу, стоняй за коньячком. – Тот взял деньги. – И меньше четырех звездочек не бери.

– Откуда бабки? – удивился Валера.

– Откуда-откуда – от бабульки. – Артур мотнул головой в сторону соседки.

– Не боишься, что она теперь к нам спасателей в мундирах пришлет?

– Волков бояться – коньяка не пить. Кроме того, вермут, который в больших количествах клюкает Хамовна, способствует склерозу. Не замечал?

– Ага. Но коньяк – лучше! – Валера подошел к столу. – Давай, Серый, мы с тобой по посошку, раз Артур упрямится. – Он приобнял нового друга за плечо. – Ему и так хорошо, его команда вон сколько нафутболила, а нам едва на разогрев хватило!

Валера налил по полстакана, приятели выпили, и Сергей почувствовал от желудка тепло и прилив сил.

– Я скоро!

К магазину летел Серега – как на свидание, все-таки ему страшно повезло, что такие ребята, как Артур и Валера, оказались рядом с ним на скамейке в его не лучшие, прямо скажем, времена...

Мсть – дело благородное и святое, всегда считал Сергей. Аквариум тащить глупо, конечно, но отплатить соседке было надо, в этом он уверен. Деньги на коньяк – мелочь, но справедливость восстановлена, и это главное.

Нельзя спускать, когда тебя или твоих близких обижают, иначе не сможешь себя уважать. Обида, она как раковая опухоль, если ее не удалить, разрастается, и ты уже ни о чем другом думать не можешь. С Сергеем именно такая история и произошла.

Детство его было если не счастливым, то вполне безоблачным. Мама – Марина Александровна, бывшая балерина, была домохозяйкой, много времени посвящала сыну. Отец Виктор Денисович работал в институте сначала заведующим кафедрой, а потом деканом факультета. Служба у него была серьезная, она требовала много времени и сил. Мама с этим соглашалась, старалась быть хорошей женой и матерью. Может, не все у мамы идеально получалось, но она заслужила уважение хотя бы потому, что бросила любимый балет ради семьи. К жене и сыну папаша до поры относился ровно, но потом вдруг выкинул фортель: завел себе любовницу – кассиршу из института. Какое-то время они скрывались, но, в конце концов, доброжелатели матери на папашку наступали. Он долго не отпирался (Сергей слышал часть разгово-

ра), заявил, что это серьезное чувство и мать, как бывший работник искусства, должна его (это чувство) уважать. Мама вспылила, ударила отца по щеке, покидала его шмотки в чемоданы и выкинула их за дверь.

Надеялась ли мать на то, что отец вернется, Сергей не знал, но сам он в первое время ждал. Но папашка сделал вид, что обиделся, окончательно их бросил и стал жить с кассиршей. Вместе с ним, как потом выяснилось, к кассирше перешла и новая квартира, и новый должностной оклад – когда папашка стал проректором. А ведь он имел «приработки» и помимо оклада, их они тоже лишились.

Дальше – больше. Матери пришлось пойти на службу, а Сергею отец запретил поступать в институт, пообещав устроить его в другой вуз. Хотя прекрасно знал, что учиться самостоятельно у сына не получится. Тут уж Серега совсем разозлился, поняв, что для папашки он стал чем-то вроде темного пятна в биографии, которое хочется от посторонних скрыть, а самому забыть.

Именно в этот момент Сергею вдруг позвонила новая пасия отца и предложила поговорить. Он сначала думал отказать, а потом пошел на встречу из интереса. Кассирша оказалась ничего себе, ладненькая, и это злило еще больше. Сергей послушал-послушал ее лепет про интеллигентных людей и дружеские отношения, а потом выдал ей по полной программе все, что он о ней, курве, думает. У кассирши слезы из глаз прямо брызнули, и именно в этот момент Сергей

почувствовал, как сладка месть, как отлегло у него от сердца. Правда, чувство удовлетворения было недолгим. Вечером позвонил отец, наорал на него, обозвал мерзавцем. Тогда Сергей попытался его послать, как пассию, папаша спохватился и сына подкупил. То есть сначала вроде уступил, стал давить на мужскую солидарность, на то, что он взрослый парень и должен понять; что во многом виновата сама мать, которая хорошо умеет готовить только яичницу и так далее. А затем папашка предложил отступного: если Сергей перед кассиршей извинится, то отец купит ему машину. Сергей обещал подумать, но едва только положил трубку, он уже знал, что согласится, потому что иметь свою машину это... это...

Промаявшись пару дней, Сергей позвонил кассирше и извинился. От этого унижения он почувствовал к отцу горячую обиду и ненависть, утолить которые могла только месть. Он даже хотел машину вернуть, но потом передумал и стал подрабатывать частным извозом, потому что грошовой зарплаты матери на двоих не хватало...

История с аквариумом – это тоже была месть, понял Сергей, месть за какие-то детские обиды, но справедливая и долгожданная. Он рассказал Артуру и Валере о своей жизни так, как не мог бы рассказать никому, ведь они могли его понять, как никто. Для этого друзья и нужны.

Сергей в них не ошибся, во всяком случае, в Артуре. Тот не просто посочувствовал товарищу, а еще и придумал, как

они вместе смогут отомстить всем его обидчикам одновременно. Сергей с радостью согласился участвовать в налете на кассу института, он даже готов был взять на себя главную роль, потому что и месть-то это его, Серегина. Валерка, как всегда, заржал, заявив, что денег в этом деле чуть больше, чем мести. С его точки зрения, может, и так, а Артур признался, что придумал план из-за рассказа Сереги. Да и так понятно, что Артур сделал все ради друга, ведь налет планировался именно на тот момент, когда папаша оставался в институте вместо ректора, ему, значит, и быть крайним! Какие еще доказательства дружбы тут нужны?

Главные роли достались Артуру и Валере, потому что Сергея в институте могли случайно узнать. Пусть так, зато папашка, гад, попался, теперь он повернется, как крыса, тонущая в сортире. И кассирша свою припарку тоже получит!..

Вся дорога заняла минут пять – семь.

– Здесь налево, во двор и прямо – до стены, – распорядился Артур. – Мотор не глуши.

Сергей выполнил маневр и остановил «тойоту» в незнакомом тупичке на территории Первой городской больницы. Вокруг не было ни души, но Валера еще специально отбежал, проверил. Тем временем Артур вышел из машины, открыл ключом какую-то подсобку и вынес оттуда автомобильные номера.

– Прикручивай!

Пока Сергей ставил на место родные номера, Артур с Валерой затащили мешки с деньгами в подсобку. Там же они спрятали снятые номера. Лишь тут Сергей огляделся и заметил вывеску «Морг». Вот это приколы! Он захохотал, как Валерка: знатное местечко! Уж где-где, а у мертвяков вряд ли кто догадается обыск провести. Все-таки Артур – гений!

– Кончай ржать, поехали! – окликнул его Валера. – Сейчас все дороги перекроют, чего нарываться...

Глава пятая

Леонид

1

Свою очередь Клокову пришлось ждать не очень долго, допросы вели сразу несколько человек. Все равно Леонид нервничал, прокручивая про себя события последних часов. Он виноват? Вернее: его могут считать виноватым? Дело-то серьезное, кто-то ведь должен стать козлом отпущения во всей этой истории с налетом. Но больше всего его волновал другой вопрос: сумеет ли он сохранить в тайне свое фантастическое открытие? Его нервный вид может легко вызвать подозрения, а Лене сейчас терять время на милицейские допросы просто жалко, у него и без того есть над чем подумать.

Леонид попал к мордатову молодому человеку с редкими соломенными усиками и водянистыми глазами. Перед ним уже лежала стопка исписанной бумаги, словно перед примерным учеником. Отличники в следователи идут?

– Я дознаватель Сиротин Олег Николаевич, – представился тот и приступил почти к двухчасовому допросу.

К этому Леонид был готов, ведь он один из главных свидетелей. Начал дознаватель с ответственности за дачу ложных

показаний, потом записал анкетные данные и подробнейший рассказ о сегодняшнем утре. По уточняющим вопросам Сиротина Леонид понял, что толку с его рассказа немного. Ну и ладно. Затем дознаватель изменил тему.

– Леонид Павлович, вы охранником работаете на полставки?

– Да.

– Почему?

– Потому что целую ставку не дают.

– Понятно... – Сиротин помолчал. – Значит, вы занимаетесь этой работой из-за денег?

– Как все.

– Я в том смысле, что денег вам не хватает?

– А вам?

– Ну... речь не обо мне. Отвечайте, пожалуйста, на вопрос.

– Это ведь не основание для подозрений?

– Конечно, конечно. Продолжим. Вы знали о предстоящей поездке в банк?

– Знал. Мне вчера Людмила... э-э-э... Константиновна сказала.

– Зачем?

– Ну а вдруг я на больничном – мне ж тогда замену придется искать.

– Леонид Павлович, вы никому не говорили о том, что сегодня будет зарплата?

– А зачем?

– Ну, случайно, по неосторожности... под шафе?

– А чего говорить-то? – пожал плечами Леня. – Все и так знают, к нашему приезду уже очередь стояла.

– У вас нет никаких подозрений?

– Нет.

– А этих налетчиков вы никогда раньше не видели?

– Я же сказал – нет.

– Я вас еще о них не спрашивал.

– Вы спросили: не подозреваю ли я кого. Если б я их знал, то заподозрил.

Сиротин подумал.

– Скажите, Леонид Павлович, а вы внимательно изучали свою должностную инструкцию?

– Честно говоря, нет.

– Но вы понимаете, что это вас не освобождает?..

– От чего?

– От ответственности за неисполнение! Вы за инструктаж в журнале расписывались?

– Кажется, нет.

– Ну, это несложно проверить, – заметил дознаватель. – Гораздо сложнее объяснить, почему вы не преследовали преступников?

– Я преследовал!

– Имеется в виду – сразу, как увидели.

– Но ведь они же вместе с Людмилой... Константиновной

пришли. Кто ж знал?

– Хорошо, на сегодня закончим.

– А что еще-то? Я вроде все рассказал.

– Вы сейчас, пожалуйста, вместе с вашими коллегами съездите к нам в управление для составления фоторобота преступников.

– Но...

– Вы разве не хотите помочь следствию?

– Хочу. Но, мне кажется, что Антонина Макаровна и Людмила Константиновна и без меня справятся.

– Они обе в шоке и не могут хорошо описать преступников. Так что ваша помощь необходима.

– Ладно, – улыбнулся Леонид, довольный тем, что главные свидетели вне игры.

– Вот и отлично... Да, еще одно, Леонид Павлович, вот здесь еще распишитесь.

– Пожалуйста. Это что, протокол?

– Нет, подписка о невыезде...

2

Честно говоря, у Лени мелькнула мысль догнать парней в камуфляже и спросить: куда они поволокли мешки? Ситуация показалась ему странной. Но не мог он, не мог, потому что... У каждого человека есть гордость, и никому не хочется выглядеть дураком в глазах соперника. Пятнистые спины

еще маячили где-то в конце коридора, когда с лестницы второго этажа кубарем скатился проректор Ерофеев.

– Что с Людой?! – выкрикнул он и ворвался в кассу, дверь которой оказалась не запертой.

Леня переглянулся с Родиком и двинул следом. Кассирша Людмила сидела, привязанная к стулу, с заклеенным скотчем ртом. Вокруг нее суетился Виктор Денисович: он, успокаивая, гладил Люду по голове, искал на столе ножницы и бормотал:

– Не волнуйся, Мышка, я сейчас, Мышка!

На вошедших охранников он внимания не обратил.

– Ни хрена себе! – воскликнул Родион. – Вот это круто!

Леонид зацепил край скотча и расклеил рот.

– Осторожно! Я заминирована! – заорала Людмила так, что Ерофеев отскочил в сторону.

– Деньги где? – потрянул ее Леня.

Людмила непонимающе смотрела на него секунду, потом объяснила очевидное:

– Украли.

Леонид выбежал из кассы и помчался по коридору. Сколько минут прошло? Две? Пять? Надо было ему на тех пятнистых напасть, но кто ж знал, что они не новая охрана или инкассаторы какие! Справа чуть сзади Леонида топал Родик. «Чего мы бежим? – мелькнула мысль. – Оружия-то все равно нет!»

Охранники выбежали на крыльцо, похожее на леток улья в

теплый день. Народ суетится, но это, насколько хватало глаз, мирная суета, никаких подозрительных пятнистых спин видно не было. Потоптавшись с минуту, охранники вернулись в кассу, едва пропихавшись сквозь толпу в дверях. Проректор стоял перед женой на коленях и резал веревку.

– Виктор Денисович! Вы милицию вызвали? – спросил Ленья.

– Да, и взрывников тоже.

Люди в дверях заволновались, потом расступились, в кассу ввалилась главбухша: волосы растрепаны, лицо, словно посмертная маска, на запястье – обрывок веревки. Леонид галантно пододвинул ей стул. Макароновна плюхнулась на него, будто мгновенно обезножев.

– Виктор Денисович, вы милиции сообщили?

– Уже вызвали, Антонина Макаровна, – успокоил проректор, – и взрывников тоже.

– Зачем?

– На Людмиле мина!

– А я свою оторвала.

– Как и вы... вас тоже?

– Я же вам говорила, Виктор Денисович!

– Ничего вы мне не говорили!

– Я вам все про ограбление рассказала. Почему вы их не задержали?

– Было уже поздно.

– А вы?! – Макароновна уставилась на Леонида и Родио-

на. – Вы мне за все ответите!

– А мы чо? – Родик нырнул за спину Клокова. – Не хватало нам еще за чужие дела отвечать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.